

Случай параной съ оригинальнымъ бредомъ.

Д-ра И. Н. Спиртова.

Больной М. сельскій учитель въ отставку поступилъ въ больницу Св. Николая Чудотворца 27-го января 1910 года 44 лѣтъ отъ роду. Изъ распросовъ больного, изъ написанной имъ по просьбѣ врача автобіографіи и изъ копіи его исторіи болѣзни присланной изъ —ой губернской психіатрической больницы въ анамнестическомъ отношеніи удалось выяснитъ слѣдующее:

Больной уроженецъ Малороссіи. Отецъ его занимался торговлею желѣзнымъ товаромъ, былъ человекъ подвижной, дѣятельный, но пилъ водку почти ежедневно и иногда напивался очень сильно; выпивши не зналъ мѣры во вспышкахъ раздраженія; больной помнитъ случай, когда пьяный отецъ въ ссорѣ съ матерью по поводу его пьянства чуть было не зарубилъ ее топоромъ. Умеръ отецъ 57—58 лѣтъ отъ роду отъ неизвѣстной причины; года за три до смерти онъ упалъ съ полуторасаженной высоты и болѣлъ нѣкоторое время послѣ этого. Мать больного была тучная женщина; вслѣдствіе „Антонова огня“ на лѣвой ноги послѣ перенесенной „горячки“ у ней была произведена ампутація ноги въ верхней трети голени, и она 30 лѣтъ лѣчила незаживавшую ампутаціонную рану; за годъ до смерти ей пришлось вслѣдствіе увеличенія раны дѣлать какую то вторую операцію; умерла 55 лѣтъ; указаній на причину смерти не имѣется. Больной былъ 5-ый по порядку рожденія ребенокъ въ семьѣ, всего ихъ было 6 братьевъ и 5 сестеръ, изъ нихъ одинъ братъ и одна сестра

умерли во младенчествѣ отъ неизвѣстной причины, одинъ братъ умеръ на 12-омъ году отъ скарлатины и одна сестра на 42-омъ году отъ „нароста на матѣ“. Остальные живы, у больного въ послѣднее время были недорозумѣнія съ ними; но онъ раздраженія противъ нихъ не высказываетъ. Братія, по его словамъ, выпиваютъ, но немного. Никакихъ другихъ указаній относительно какихъ-либо патологическихъ проявленій у братьевъ, сестеръ, равно какъ и у родственниковъ по отцу и матери не имѣется.

Въ дѣтствѣ больной былъ здоровъ, неизвѣстно, когда онъ началъ говорить, но до 16 лѣтъ онъ не выговаривалъ буквы К, очень затруднялся произношеніемъ буквы р и заикался; во время ученія въ школѣ онъ старался больше молчать, чтобы не вызывать своимъ говоромъ смѣха со стороны окружающихъ. Съ теченіемъ времени рѣчь больного улучшилась и къ 17 годамъ исправилась совершенно. Среди скудныхъ нехарактерныхъ воспоминаній о первыхъ годахъ жизни больной отмѣчаетъ слѣдующія два обстоятельства: во первыхъ, когда его двухлѣтняго мальчика кто-либо изъ его братьевъ и сестеръ обижалъ, то онъ плакалъ и кричалъ до того, что „заходился“ по его выраженію, но однажды во время такого инцидента отецъ „отодралъ“ его „хвощевымъ“ вѣникомъ и съ тѣхъ поръ эти явленія прекратились; во-вторыхъ когда онъ былъ въ возрастѣ отъ 2 до 5 лѣтъ его дяди, тетки и крестная мать давали ему сласти, прося „потрусить“, „угостить табачкомъ“; для этого больной бралъ свой penis въ руки, трясъ его и затѣмъ подносилъ 3 пальца къ носу просящаго. О своихъ умственныхъ способностяхъ во время дѣтства и отрочества больной говоритъ, что онъ былъ „тупъ“ и его больше занимала „животная“ сторона жизни. Никакихъ мечтаній или представленій о какой-нибудь своей роли въ будущемъ онъ не имѣлъ; не было у него и повышеннаго мнѣнія о себѣ. На восьмомъ году больной началъ учиться у отца и на девятомъ былъ отданъ въ приходское училище. Учился больной плохо, но тѣмъ не мѣнѣ на 12-омъ году кончилъ курсъ приходскаго училища и поступилъ въ уѣздное училище. Во время пребыванія въ приходскомъ училищѣ больной по примѣру товарищей сталъ заниматься онанизмомъ, который у нихъ практиковался даже во время уроковъ. Въ уѣздномъ училищѣ ученье сначала тоже шло плохо и больной

дѣлился, но попавъ въ группу преподавателя болѣе опытнаго и болѣе серьезно относившагося къ дѣлу, сталъ усерднѣе учиться и въ 1883-емъ году (на 18-омъ жизни) окончивъ курсъ этого училища выдержалъ экзаменъ на званіе народнаго учителя.

Въ послѣднее время школьной жизни у него появилась нѣкоторая пытливость мысли въ сферѣ религіозно моральныхъ вопросовъ. Онъ, напримѣръ, дѣлился съ товарищами слѣдующими соображеніями: „по Евангелію выходитъ, что кто сказалъ ближнему „дуракъ“ и кто убилъ ближняго подлежатъ одинаково гееннѣ; какъ же такъ?—Значить или всѣ мы попадемъ въ адъ или никто“. Но эта пытливость мысли насколько можно судить по его рассказамъ, не имѣла рѣзкаго энергическаго характера и настойчиваго стремленія рѣшить возникшіе вопросы не было.

Прослуживъ въ ожиданіи учительскаго мѣста два года писцомъ у нотариуса онъ весною 1885-го года получилъ мѣсто учителя въ —омъ сельскомъ училищѣ. Службу сельскаго учителя онъ несъ до лѣта 1906-го года и былъ, по его словамъ, на хорошемъ счету у начальства. Въ первое время учительской дѣятельности онъ велъ по временамъ неправильную, нетрезвую жизнь преимущественно на ваникулахъ и по праздникамъ. Той крайней раздражительности и дикихъ выходокъ, которыя наблюдались въ пьяномъ видѣ у его отца, у него не было; по его словамъ онъ быстро дѣлался „веселымъ“ отъ небольшихъ дозъ, большія дозы только вызывали рвоту. Первое нормальное половое сношеніе онъ имѣлъ будучи 22-хъ лѣтъ. Въ связи со своими идеями онъ въ отдѣльныхъ разговорахъ и автобіографіи приводитъ перечень всѣхъ своихъ „внѣбрачныхъ“ женъ съ указаніемъ точнымъ или приближительныхъ числа половыхъ сношеній съ ними. Изъ этого перечня нельзя усмотрѣть широкой естественной половой жизни, только въ теченіе трехъ мѣсяцевъ 1891-го года были злоупотребленія въ этомъ отношеніи, когда онъ почти ежедневно имѣлъ сношенія два раза въ день. Кромѣ того въ разное время онъ практиковалъ сношенія „по верхамъ“, состоявшія въ имитации полового акта безъ введенія penis, но съ ejaculatio Seminis. Онанизмомъ, по его словамъ, онъ занимался до сорокалѣтняго возраста и иногда усиленно; были періоды воздержанія, но непродолжительные.

Получивъ въ 1894-мъ году сифилисъ, онъ въ теченіе 10 лѣтъ до заявленія одного профессора сифилидолога о возможности ему жениться, не имѣлъ сношенія съ женщинами, половую потребность удовлетворялъ онанизмомъ и кромѣ того нѣсколько разъ практиковалъ скотоложество. Въ 1904-мъ году онъ возобновилъ было нормальныя половыя сношенія, но скоро ихъ прекратилъ и уже въ дальнѣйшей жизни не возобновлялъ; причиной прекращенія была усилившаяся боязнь имѣть дѣтей, которые, по его мнѣнію, должны быть или уроды или больные, какъ происшедшіе отъ сифилитика. Чтобы въ дальнѣйшемъ уже не возвращаться къ событіямъ, гдѣ играетъ ту или другую роль взаимное влеченіе половъ нужно еще отмѣтить, что онъ въ своей жизни четыре раза влюблялся, но неудачно; объ этихъ неудачахъ онъ въ настоящее время говоритъ безъ горечи и грусти. Первые два романа были кратковременны и не оставили послѣ себя никакого впечатлѣнія. Болѣе яркія воспоминанія онъ сохранилъ о послѣднихъ привязанностяхъ: къ одной учительницѣ и къ одной крестьянской дѣвушкѣ. Съ учительницей онъ познакомился въ 1893 году, встрѣчи ихъ были нечасты, больной чувствовалъ къ ней большое уваженіе, къ которому потомъ присоединилась привязанность; въ 1905-омъ году онъ ей сдѣлалъ предложеніе и при этомъ разсказалъ, не утаивая рѣшительно ничего всю свою жизнь; предложеніе не было принято, но знакомство и дружескія отношенія продолжались. Съ крестьянской дѣвушкой онъ познакомился въ 1903 году и сначала она была для него объектомъ болѣе грубыхъ половыхъ влеченій въ видѣ упомянутыхъ сношеній по верхамъ; съ теченіемъ времени у него появилось къ ней чувство привязанности такъ что послѣ неудачнаго сватовства къ учительницѣ онъ въ 1905 же году задумалъ жениться на ней. Это вызвало бурю среди его родственниковъ и знакомыхъ; подъ вліяніемъ ихъ мѣстный священникъ подъ разными предлогами отказался повѣнчать его. Этотъ отказъ повѣнчать вызвалъ со стороны больного рѣзкую реакцію, о которой будетъ сказано ниже, и предложеніе дѣвушкѣ жить съ нимъ гражданскимъ бракомъ; въ видѣ первоначальнаго обезпеченія онъ положилъ на ея имя въ Сберегательную кассу 300 рублей. Дѣвушка, получивъ деньги по книжкѣ кассы, вышла замужъ за другого.

Кромѣ сифилиса больной еще получилъ въ 1888 году

перелой; другихъ болѣе или менѣе серьезныхъ заболѣваній въ теченіе его жизни не было. Лѣченіе сифилиса состояло въ томъ, что онъ въ первые 1 $\frac{1}{2}$ года по полученіи сифилиса сдѣлалъ 100 ртутныхъ втираній въ разные сроки, и семь лѣтъ спустя принималъ „въкоторое время“ іодистый калий. Перелой онъ лѣчилъ крайне небрежно копейскимъ бальзамомъ; проявленія перелоя тянулись около 3-хъ мѣсяцевъ.

Въ теченіе своей учительской дѣятельности больной 5 разъ мѣнялъ мѣста служенія; одинъ разъ по распоряженію начальства для помѣщенія на его мѣсто другого учителя уроженца этой мѣстности, и четыре раза по собственной просьбѣ; основаніемъ для перемѣны служило или неудобство помѣщенія или желаніе уйти отъ знакомства съ мѣстными жителями, которое влекло за собой неправильный образъ жизни и выпивки. Въ самомъ началѣ педагогической дѣятельности онъ имѣлъ много недоразумѣній со священникомъ того же села; причиной ихъ было то, что больной самъ, по его словамъ, не имѣлъ охоты ходить въ церковь и рѣдко водилъ туда учениковъ. Подъ вліяніемъ этихъ недоразумѣній и въ связи съ неприглядностью окружающей жизни у него стали часто являться мысли о тягостяхъ и неустройствѣ жизни. Къ этимъ размышленіямъ о жизни вызваннымъ обстоятельствами, касавшимися его лично, присоединились чтеніе сочиненій Л. Толстого и разговоры объ немъ въ кругу товарищей по службѣ и знакомыхъ. Первоначально идеи Толстого были только предметомъ теоретическихъ разсужденій; они, напримѣръ, собравшись за пивомъ, разсуждали о Толстомъ и пили за его здоровье, но съ теченіемъ времени у больного появилось стремленіе и жить сообразно идеямъ Толстого; однако окружающая обстановка и сильно развитой половой инстинктъ не дали ему возможности стать вполне толстовцемъ. Благопріятнымъ вліяніемъ ученія Толстого было то, что больной постепенно сталъ все болѣе и болѣе уклоняться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, хотя окончательно ихъ бросилъ только послѣ полученія сифилиса. По словамъ больного полученіе сифилиса вообще оказало хорошее вліяніе на его образъ жизни. Отказавшись окончательно отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, онъ избѣгая „приставаній выпить“ сталъ рѣдко показываться у знакомыхъ и такимъ образомъ получилъ больше времени чтобы „подумать“; затѣмъ, вычитавъ гдѣ то, что сифилисъ спокойнѣе протекаетъ у людей физическаго труда, онъ сталъ

больше заниматься физическимъ трудомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ весь образъ жизни его сталъ болѣе правильнымъ. Уровень интеллектуальнаго и нравственнаго развитія среды, въ которой вращался больной былъ очень невысокъ. Упомянутые разговоры о Толстомъ были только времяпрепровожденіемъ: царили-преслѣдованіе мелкихъ эгоистическихъ интересовъ, сплетни, выпивки и грѣхи противъ 7-ой заповѣди съ циничнымъ признаніемъ ихъ наличности. Внѣбрачныя связи сопровождалась нерѣдко, особенно въ случаѣ крестьянскихъ дѣвушекъ, убійствомъ новорожденныхъ матерями и послѣдующими несчастіями для этихъ матерей. Больной быть можетъ влѣдствие сильно развитого полового чувства внимательно слѣдилъ за случаями внѣбрачныхъ связей съ ихъ послѣдствіями и въ мысляхъ о тягостяхъ и неустройствѣ жизни, объ идеалахъ Толстого присоединялись еще мысли о неурегулированности въ обществѣ половыхъ отношеній и вопроса о дѣтяхъ. Интересуясь такого рода вопросами онъ болѣе старался рѣшить ихъ путемъ спекулятивнымъ и на основаніи встрѣчавшихся ему фактовъ. Въ немъ не замѣчалось болѣе или менѣе рѣзко выраженаго стремленія къ дальнѣйшему самообразованію и къ расширенію посредствомъ чтенія своего умственнаго кругозора. Не смотря на то, что его положеніе матерьяльное было лучше, чѣмъ другихъ учителей, и что у него имѣлся досугъ, перечень прочитаннаго имъ за все время пребыванія на свободѣ сравнительно невеликъ, а именно: всѣ сочиненія Л. Толстого какія онъ могъ только достать, Библія и Новый Завѣтъ, затѣмъ только отдѣльныя произведенія Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Писемскаго, романъ Беллами „Будущій вѣкъ“ и популярное изложеніе теоріи Дарвина; въ болѣе поздній періодъ своего учительства онъ нѣкоторое время выписывалъ журналъ „Природа и Люди“ и газету „Кіевская мысль“.

Изъ автобіографіи больного и изъ разговоровъ съ нимъ можно заключить что за весь періодъ жизни до 1906-го года у него еще не явилось какой-либо цѣльной опредѣленной системы координированныхъ взглядовъ, которая явилась потомъ; быть можетъ, отчасти по этой причинѣ, отчасти считаясь со своимъ положеніемъ и административными условіями того времени, онъ не проявлялъ тогда той склонности къ пропагандѣ, хотя бы отдѣльныхъ взглядовъ, каковую проявилъ впо-

слѣдствіи. Со стороны внѣшнихъ событій въ его жизни за періодъ съ начала учительства по 1904-ый годъ не случилось ничего особеннаго. О перемѣнѣ мѣстъ службы уже было упомянуто; въ 1893 году онъ былъ командированъ на двухмѣсячные курсы садоводства и огородничества въ —ое земледѣльческое училище, а въ 1894 году на собственный счетъ ѣздилъ въ Петербургъ на выставку плодоводства. Общественный подъемъ и оживленіе общественной мысли во время русско-японской войны и послѣдовавшіе затѣмъ событія имѣли, повидимому, большое вліяніе на судьбу больного. Во первыхъ, судя по его словамъ, общественное возбужденіе захватило и его, повысило психическую дѣятельность и этимъ, весьма вѣроятно, способствовало болѣе скорой и опредѣленной выработкѣ его системы идей; во-вторыхъ въ то время особенно волновали умы вопросы общественнаго устройства и довольно рѣзко выступилъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ половъ, а эти два вопроса уже раньше особенно интересовали больного, въ третьихъ приновыхъ вѣяніяхъ онъ получилъ большую возможность пропагандой или собственными поступками реализовать возникавшія мысли, не стѣсняясь своимъ служебнымъ положеніемъ, а это, какъ увидимъ, вызвало много столкновеній и непріятностей для него. Дѣйствительно съ этого времени жизнь больного характеризуется сравнительно быстрымъ созрѣваніемъ его системы взглядовъ и бредовыхъ идей, стремленіемъ пропагандировать свои воззрѣнія и реализовать ихъ, а также и проявленіями указывающими съ возрастающей рѣзкостью на наличность душевнаго разстройства, въ связи со всѣмъ этимъ жизнь его становится и болѣе богатой внѣшними событіями. Уже въ 1904-омъ году отмѣчаются 3 случая, гдѣ онъ такъ открыто выражаетъ свое отношеніе къ духовенству и къ войнѣ, какъ прежде, считаясь со своимъ положеніемъ, никогда бы себѣ не позволилъ. Когда былъ поднятъ вопросъ объ отдачѣ мѣстному причту 36 десятинъ общественной земли, больной уговаривалъ крестьянъ не дѣлать этого, а лучше развести на этой землѣ общественный фруктовый садъ. Затѣмъ онъ выражалъ протесты противъ ассигновки 5000 рублей общественныхъ денегъ на покупку новаго иконостаса, совѣтуя эти деньги употребить на копанье прудовъ въ виду недостатка въ хорошей водѣ. Отношеніе къ войнѣ выразилось въ томъ что призываетъ на мобилизацію, который

былъ для него какъ народнаго учителя простой формальностью дать ему поводъ приняться за демонстративное копанье пруда на училищной землѣ съ проповѣдью, при случившихся разговорахъ, мысли, что Россія много бы завоевала земли, если бы вооруживъ солдатъ лопатами вмѣсто ружей осушила Пинскія болота и возобновила исчезнувшія рѣки въ родѣ протекавшей прежде у нихъ и высохшей рѣчки С. По неизвѣстнымъ причинамъ эти выступленія сошли благополучно для больного, увеличивъ только враждебное отношеніе къ нему духовенства. Затѣмъ до августа 1905-го года ни въ автобіографіи, ни въ воспоминаніяхъ больного при разговорахъ не отмѣчается никакихъ характерныхъ или имѣющихъ то или другое значеніе фактовъ. Въ августѣ 1905-го года онъ присутствовалъ при крещеніи одной дѣвочки въ качествѣ крестнаго отца; при этомъ на него произвели впечатлѣніе два обстоятельства: во-первыхъ „хорошее“, какъ онъ выражался, содержаніе читаемыхъ при обрядѣ молитвъ; во-вторыхъ, что священникъ внесъ дѣвочку въ алтарь и обѣянилъ это потომъ ошибкой. По поводу содержанія молитвъ у него появились мысли, что такія же молитвы читались и при его крещеніи, но пользы не вышло, онъ всю жизнь „служилъ дьяволу“, — что хорошо бы ему креститься снова теперь, когда онъ уже окрѣпъ и можетъ бороться съ искушеніями. Эта мысль о вторичномъ крещеніи не оставляла его и скоро реализовалась въ томъ, что 19-го сентября 1905-го года онъ, купаясь въ рѣчкѣ, представлялъ себя крещающимся вторично и произносилъ молитву: „Во Іордани крещающемуся Тебѣ, Господи и т. д.“. Случайно по выходѣ его изъ воды наступила гроза и въ этомъ онъ во-первыхъ усмотрѣлъ, что его молитва дошла до Бога и совершилось его второе крещеніе, во-вторыхъ нашелъ сходство съ обстоятельствами крещенія Іисуса Христа и дарованія заповѣдей Моисею; но нужно отмѣтить, что такое сближеніе послужило для него только укрѣпленіемъ убѣжденія, что нужно жить по новому и не было ни слѣдствіемъ, ни поводомъ къ повышенной самооцѣнкѣ: какъ увидимъ ниже больной нигдѣ не ставилъ своего „я“ на первый планъ и не переоцѣнивалъ это „я“. Фактъ внесенія дѣвочки въ алтарь по ошибкѣ далъ толчокъ слѣдующимъ мыслямъ: Іудейскій Первосвященникъ также ввелъ Богородицу во Святое Святыхъ Іерусалимскаго храма, куда и самъ входилъ одинъ разъ въ

годъ; онъ навѣрное зналъ, что Іерусалимскій храмъ въ сравненіи съ нерукотвореннымъ храмомъ Божиимъ, т. е. со всей вселенной есть ничтожество. Если женщины вездѣ по этому нерукотворенному храму могутъ безпрепятственно ходить, то почему же не допустить ихъ въ алтарь? Введеніе Богородицы во Святые Святыхъ и указываетъ, что женщина наравнѣ съ мужчиной имѣетъ право занимать должность священника и первосвященника. Онъ эти мысли вскорѣ выразилъ мѣстному священнику и вызвалъ этимъ крайне обостренныя отношенія.

Въ этомъ же году, по его сознанію у него впервые появилась идея объ узаконеніи вѣнчаемыхъ дѣтей послѣ чтенія полученнаго отъ одного пріятеля письма, въ которомъ тотъ сообщаетъ о предполагаемой выдачѣ замужъ своихъ дочерей. Это сообщеніе навело его на мысль, что и у него могутъ быть дѣти и эти дѣти, какъ вѣнчаемыя, навѣрное несчастны, и ему слѣдовало бы ихъ отыскать, узаконеніемъ пріобрѣсти право заботиться о нихъ и устроить ихъ. Сопоставляя огромное значеніе, которое пріобрѣла потомъ идея объ узаконеніи вѣнчаемыхъ дѣтей въ его системѣ взглядовъ съ фактомъ, что онъ, обычно довольно точно датирующій событія своей жизни, не устанавливаетъ даже приблизительно даты перваго появленія этой идеи, можно съ извѣстной вѣроятностью предположить, что при этомъ первомъ ея выявленіи она еще не произвела на него особенно глубокаго впечатлѣнія. Но съ другой стороны на эту идею даже въ то время едва ли можно глядѣть какъ на вполне случайную, появившуюся вѣ связи съ наличностью и теченіемъ идей у больного и что, всего вѣроятнѣе, она была однимъ изъ выраженій еще не систематизированной въ результатахъ работы мысли больного надъ вопросами устройства жизни и половымъ. За это говорить во-первыхъ то обстоятельство, что, какъ отмѣчено выше, вопросъ объ неурегулированности отношеній двухъ половъ со всѣми ея послѣдствіями, уже давно занималъ больного, а во-вторыхъ то дальнѣйшее развитіе этой идеи и упомянутое ея огромное значеніе въ системѣ взглядовъ и жизни больного, о которомъ подробнѣе будетъ рѣчь дальше. Осенью этого же года онъ имѣлъ случай выразить свои идеи и отношенія къ одному изъ движеній волновавшихъ въ то время Россію. Товарищъ прислалъ ему для переписки прокламаціи одной изъ

партій, онъ отказался. заявивъ, что вообще нельзя прибѣгать къ убійству, къ крови.

Слѣдующій заслуживающій вниманія фактъ, случившейся той же осенью былъ вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ отмѣченнымъ въ автобіографіи и въ разсказахъ больного рѣзкимъ проявленіемъ аффекта. Выше было указано, что священникъ отказался его вѣнчать съ одной дѣвушкой въ виду поднявшейся по этому поводу бури среди родныхъ и знакомыхъ. Больной на отказъ священника въ приступъ крайняго раздраженія реагировалъ тѣмъ, что разбилъ въ своемъ училищѣ всѣ иконы и сжегъ ихъ въ печкѣ, а на ихъ мѣсто повѣсилъ портретъ Государя, „взывалъ“, по словамъ автобіографіи „въ нему съ мольбою, чтобы онъ поручилъ веденіе записей браковъ не духовенству, а медицинскому персоналу“. Не смотря на рѣзкость аффективного проявленія больной потомъ только очень рѣдко вспоминалъ объ этомъ фактѣ но безъ всякаго оживленія и даже прибавлялъ при этомъ: „конечно, не слѣдовало такъ дѣлать, но очень тогда меня взбѣсили, эти препятствія и интриги“. Во всякомъ случаѣ ни данныя автобіографіи, ни разсказы больного не даютъ никакихъ основаній для предположенія, что этотъ аффектъ хотя бы въ ослабленной степени длился продолжительное время и легъ бы въ основу бредовыхъ идей.

Вскорѣ послѣ этого больному было предложено оставить службу; въ февралѣ 1906 года онъ освобождаетъ училищную квартиру, а въ юнѣ того же года официально увольняется отъ должности учителя.

Хотя больной по своимъ взглядамъ былъ въ сторонѣ отъ политическихъ партій того времени, но фактъ знакомства его съ лицами, принимавшими участіе въ партійныхъ дѣлахъ, не прошелъ для него даромъ, его между прочимъ заподозрили въ распространеніи выборгскихъ воззаній, и по этому поводу въ сентябрѣ 1906 года дѣлались обыски у его родныхъ, гдѣ онъ проживалъ. Во время этихъ обысковъ, по словамъ больного, у него окончательно сформулировалась идея о принудительномъ узаконеніи внѣбрачныхъ дѣтей за ихъ кровными родителями, какъ лучшемъ разрѣшеніи вопроса объ отношеніяхъ половъ и уменьшеніи разврата. Необходимость такого принудительнаго узаконенія обосновывались больнымъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) забота о дѣтяхъ есть естествен-

ный долгъ родителей „за вкушеніе райскаго плода“ по выраженію больного 2) мысль о предстоящей обязательной заботѣ о дѣтяхъ удержитъ многихъ отъ разврата 3) съ другой стороны при проведеніи этого закона внѣбрачные дѣти перестанутъ быть чѣмъ то что нужно скрывать, прекратятся дѣтубійства и вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ препятствія къ соединенію лицъ имѣющихъ возможность и желающихъ сообразно своему состоянію и силамъ исполнить свой долгъ по отношенію къ дѣтямъ тѣмъ болѣе, что и запись брака будетъ изъята у духовенства и передана врачамъ.

Несмотря на то, что между обыскомъ и означенной идеей повидимому очень мало общаго, можно все-таки принять что обыски до извѣстной степени дали толчокъ выявленію этой идеи, такъ какъ у него явилось желаніе скорѣе заявить администраціи о своихъ взглядахъ, которые онъ намѣренъ проводить въ жизнь и убѣдить, что занятія политикой не входятъ въ его программу. Кромѣ пропаганды этой идеи въ разговорахъ больной рѣшилъ реализовать ее въ примѣненіи первымъ дѣломъ къ себѣ, т. е. рѣшилъ отыскивать и узаконивать своихъ внѣбрачныхъ дѣтей чтобы имѣть право ихъ воспитывать и вообще заботиться о нихъ. Вслѣдствіе этого послѣ обысковъ онъ посылаетъ исправнику заявленіе, гдѣ не только указываетъ на свои взгляды, но проситъ содѣйствія полиціи къ отысканію и узаконенію его внѣбрачныхъ дѣтей. Этимъ въ самое первое время пришлось и ограничиться. Требовалъ обдумать планъ дѣйствій и главнымъ образомъ, гдѣ съ наибольшей вѣроятностью можно было найти предполагаемыхъ его дѣтей, затѣмъ у него не было денежныхъ средствъ для поисковъ, поѣтому прошелъ годъ прежде чѣмъ онъ принялся за дальнѣйшую дѣятельность въ этомъ направленіи. Но сдѣлать кое-что въ пользу своей идеи онъ нашелъ возможнымъ и раньше: въ своей автобіографіи онъ пишетъ: „когда мнѣ сильно приснился покойный царь Александръ III готовящимъ вкусное блюдо *), то 21-го апрѣля 1907-го года я послалъ во 2-ю Государственную Думу выданный на мое имя поручикомъ ...имъ вексель на 1000 руб. Я просилъ Государственную Думу употребить эти мои деньги на улучшеніе по-

*) Объ его отношеніи къ снамъ и своеобразномъ ихъ толкованіи см. дальше стран.

ложенія тѣхъ вѣбначныхъ дѣтей, которыя при всеобщемъ узаконеніи будутъ узаконены за бѣдными родителями, а если нельзя провести такого узаконенія, то просить Государственную Думу употребить мои деньги на устройство памятника Украинскому поэту Т. Г. Шевченко на его могилѣ въ гор. Каневѣ въ видѣ воспитательнаго дома и богадѣльни для вѣбначныхъ женъ и дѣтей“. Къ сентябрю 1907 года у больного выработаны планы дальнѣйшихъ дѣйствій. Еще раньше онъ слышалъ, что одинъ изъ церковно-служителей, съ женою котораго онъ имѣлъ сношеніе, получилъ повышение по службѣ, живетъ неподалеку и имѣетъ много дѣтей. Онъ сталъ собирать справки объ этой семьѣ и навѣстилъ ее. Несмотря на то, что не получилось никакихъ положительныхъ указаній и что, по его словамъ, эта женщина одновременно имѣла сношенія кромѣ него съ мужемъ и еще съ однимъ знакомымъ, онъ все-таки счелъ болѣе вѣроятнымъ, что старшій сынъ въ этой семьѣ и есть кровный сынъ его, больного; поэтому онъ рѣшилъ начать свою дѣятельность по узаконенію дѣтей именно съ этого случая какъ съ ближайшаго. Въ это время онъ какъ бы посвящаетъ себя всего служенію идеѣ и отрывается отъ мірскихъ заботъ, что видно изъ того факта, что одновременно съ подписью векселя въ 1000 рублей на имя предполагаемаго сына, онъ подписываетъ вексель въ 500 рублей на имя вышеупомянутой учительницы, къ которой, какъ сказано, кромѣ симпатіи онъ чувствовалъ полное довѣріе и уваженіе и кромѣ того подписываетъ довѣренность на ея имя на веденіе всѣхъ его дѣлъ. Векселя въ его глазахъ обладали полной значимостью, такъ какъ онъ былъ вмѣстѣ съ братьями владельцемъ имущества оставшагося послѣ тетки. Съ этими документами онъ ѣдетъ сначала въ училище, гдѣ воспитывался предполагаемый сынъ, не объясняя подкладки дѣла общается ему выдать вексель въ 1000 рублей, но ставитъ условіемъ, чтобы юноша ѣхалъ съ нимъ въ Кіевъ, такъ какъ онъ хочетъ, чтобы этотъ вексель былъ засвидѣтельствованъ непременно профессорами С. и Т. Оба поѣхали въ Кіевъ и были у профессоровъ; больной по отсылкѣ предполагаемаго сына послѣ пріема въ другую комнату говорилъ имъ о своемъ предположеніи, что это его сынъ и спрашивалъ, получаетъ ли такое предположеніе основаніе при изслѣдованіи ихъ обоихъ. Отвѣты профессоровъ, которые даже въ его передачи носили уклон-

чивый характеръ онъ истолковалъ въ томъ смыслѣ, что они признали кровное родство и сообщили юношѣ, что онъ его сынъ. Въ слѣдующую ночь послѣ этого сообщенія юноша убѣждалъ отъ него. Больной узнавъ о побѣгѣ немедленно отправилъ Государю, Полтавскому и Кіевскому Губернаторамъ телеграммы, въ которыхъ просилъ повелѣть отыскать бѣжавшаго отъ него сына и узаконить за нимъ. Затѣмъ доставивъ учительницѣ упомянутые векселя и довѣренность онъ убѣждаетъ домой.

Въ разговорахъ, по временамъ, больной говорилъ правда глухо и неохотно о большихъ непріятностяхъ бывшихъ у него не только съ его родными но и съ семьей церковно-служителя вслѣдствіе этой побѣдки, а также о томъ, что этотъ предполагаемый сынъ съ того времени сталъ чуждаться и избѣгать его. Въ октябрѣ мѣсяцѣ этого же 1907 г. онъ Губернскимъ Присутствіемъ признается официально душевно-больнымъ, но его отпустили на свободу, какъ безвреднаго для окружающихъ. Въ виду трудности отыскать другихъ предполагаемыхъ дѣтей больной нѣкоторое время не дѣлаетъ никакихъ выступленій въ этомъ направленіи, но не оставляетъ пропаганды своихъ взглядовъ и при случаѣ реагируетъ на событія сообразно этимъ взглядамъ. Онъ узналъ, что ...ій протоіерей будто бы отбилъ жену у одного офицера и этимъ ускорилъ его смерть. Въ вербную субботу 1908-го года больной съ вербой подошелъ въ церковь къ этому протоіерею, сталъ нахлестывать его по лицу вербой съ обычными словами: „не я бью, верба бьетъ“ и при этомъ совѣтовалъ ему хоть немного загладить свой грѣхъ, оставивъ духовное званіе и женившись на вдовѣ офицера. Его арестовали при полиціи, и по его словамъ, сильно избили, затѣмъ отдали его брату и совѣтовали везти въ Кіевъ для помѣщенія въ больницу. Въ Кіевѣ его въ больницу не приняли за недостаткомъ мѣста. Онъ уговорилъ брата отправиться домой безъ него, а самъ остался у проживавшей тамъ его больной сестры. Черезъ нѣсколько дней онъ отправился въ Кіевскій Михайловскій соборъ и тамъ подоидъ къ мощамъ св. Варвары онъ захотѣлъ разрѣшить свои сомнѣнія относительно мощей и, поднявъ покрывало на мѣстѣ головы, потыкалъ пальцемъ въ находящееся подъ нимъ, по словамъ больного, что то похожее на тюфячекъ, его тотчасъ же взяли въ участокъ, затѣмъ посадили въ Лувьяновскую пересыльную

тюрьму, а оттуда этапнымъ порядкомъ отправили въ ...ую Губернскую психіатрическую больницу, куда и помѣстили 21-го апрѣля 1908 года.

Во время пребыванія въ больницѣ онъ не скрывалъ своихъ идей и намѣреній и однажды находящійся тамъ на излѣченіи студентъ еврей въ разговорѣ съ нимъ сталъ, вѣроятно, въ шутку увѣрять его, что здѣсь въ больницѣ собраны всѣ его внѣбрачныя дѣти. Слова студента, и то обстоятельство, что онъ еврей, имѣли у больного двоякаго рода послѣдствія. Во первыхъ они были поводомъ отчасти къ развитію, отчасти къ проявленію слѣдующихъ мыслей: 1) евреи въ виду ограниченія ихъ въ правахъ и отношенія къ нимъ многихъ христіанъ являются угнетенной націей; еврейки и прежде имѣли и теперь имѣютъ много внѣбрачныхъ дѣтей отъ христіанъ и даже отъ высокопоставленныхъ христіанъ; съ введеніемъ принудительнаго узаконенія внѣбрачныхъ дѣтей улучшится положеніе и дѣтей и матерей евреекъ и вообще всего еврейства, — слѣдовательно евреи должны тоже стремиться осуществить это принудительное узаконеніе и не простая только случайность, что указаніе относительно пребыванія его внѣбрачныхъ дѣтей въ больницѣ онъ получилъ отъ еврея; 2) евреи, какъ имѣющіе съ нимъ одинаковую основную идею слѣдуютъ за его дѣятельностью по реализаціи этой идеи и пользуются имъ какъ орудіемъ для проведенія этой идеи со своей стороны, а эта мысль, какъ увидимъ, послужила однимъ изъ обоснованій своеобразнаго бреда преслѣдованія. Вторымъ слѣдствіемъ словъ студента было то, что онъ попавъ на вполнѣ подготовленную почву сильнаго желанія найти своихъ дѣтей заставили больного внимательно приглядываться къ окружающимъ больнымъ. Въ одномъ 15 лѣтнемъ еврей-имбециллѣ онъ сталъ находить все болѣе и болѣе чертъ сходства съ собой. Сблизившись съ этимъ больнымъ онъ постепенно убѣдилъ себя, что это его сынъ отъ одной еврейки относительно сношенія съ которой онъ съ присущей ему точностью и обстоятельностью, особенно при описаніи своей половой жизни говоритъ въ своей автобіографіи слѣдующее: „16-ая (по хронологическому порядку женщина, съ которой онъ имѣлъ сношенія) — еврейкѣ, которой я не могъ распознать черезъ часъ послѣ полового сношенія. Съ этой еврейкой я и коллега — я имѣли половыя сношенія въ урочищѣ — ѣ — аго уѣзда подѣ ярмарку

въ темную ночь, подъ кустомъ на высокой горѣ — мнѣ говорилъ, что она изъ —а“. Больной этой еврейки больше не видалъ и никакихъ свѣдѣній о ней не имѣлъ. Онъ сталъ учить мальчика грамотѣ и вскорѣ привязался къ нему чувствомъ очень сходнымъ съ отцовскимъ, чему мы увидимъ рѣзкія доказательства впоследствии. 29 октября 1908 года больной былъ взятъ братомъ на поруки и немедленно принялся за розыски родителей —аго (фамилія имбецилика), которыхъ наконецъ нашелъ въ г. —ѣ. Это была бѣдная еврейская семья. Онъ засталъ дома предполагаемую свою внѣбрачную жену, высказалъ ей свое предположеніе, просилъ для блага ея сына быть откровенной и спрашивалъ ее не была ли она въ 1883 году въ — —ѣ, не имѣла ли сношеній съ двумя мужчинами и т. д. получились увѣрнія, что ничего подобнаго не было, но это не разубѣдило больного; напротивъ сообщенный мимоходомъ фактъ, что эта женщина по выходѣ замужъ долго не имѣла дѣтей и была за это предметомъ нареканій, сдѣлалъ для него вполне понятнымъ то обстоятельство, что замужняя женщина искала на ярмаркѣ мужчинъ: она хотѣла забеременѣть. Во время ихъ объясненія пришелъ мужъ еврейки и больной сталъ просить отдать ему мальчика, обязуясь заботиться о немъ и учить его. Отвѣтъ получился отрицательный и больной уѣхалъ въ — —у, гдѣ и сталъ жить. Мысль объ оставленномъ въ больницѣ „сынѣ“ не давала ему покоя, и онъ дѣлаетъ двѣ попытки обманомъ взять — —аго изъ богоугоднаго заведенія, куда тотъ тѣмъ временемъ былъ переведенъ изъ больницы; въ первый разъ онъ назвался внѣбрачнымъ отцомъ; во второй разъ онъ послалъ черезъ одного еврея подложную телеграмму въ заведеніе отъ имени официального отца — —аго, въ который тотъ выражаетъ согласіе отдать больному сына. Обѣ попытки не удались. Въ это же время онъ ѣздилъ въ Кіевъ подавать прошеніе В. К. Михаилу Александровичу объ разслѣдованіи обстоятельствъ рожденій — —аго и объ отдачѣ ему сына; такого же рода прошеніе онъ пытался подать Государю во время его пребыванія въ тѣхъ краяхъ, но не былъ допущенъ полиціей. Въ началѣ ноября 1909 года онъ уговорилъ родителей — —аго отпустить съ нимъ сына въ Петербургъ въ будущемъ январѣ, гдѣ онъ обѣщалъ показать его психіатрамъ, но ему показалось долгимъ ждать два мѣсяца, и онъ похи-

шастъ — —аго, находившагося въ то время въ отпуску у родителей, и живетъ вмѣстѣ съ нимъ. Родителямъ — —аго, вѣроятно, мало улыбалась перспектива возиться съ имбецилликомъ (у нихъ кромѣ него было еще 6 человѣкъ дѣтей) и потому они въ концѣ концовъ рѣшили не преслѣдовать больного за похищеніе. 5-го января 1910 года онъ пріѣзжаетъ съ — —имъ въ Петербургъ и на слѣдующій же день подаетъ флигель-адъютанту Государя прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ проситъ повелѣть узаконить за нимъ, и обратитъ его въ православную вѣру, а затѣмъ ходатайствовать о созывѣ новой Гаагской конференціи о разоруженіи „для борьбы съ великимъ зломъ *) при помощи узаконенія всѣхъ живыхъ и мертвыхъ внѣбрачныхъ дѣтей за ихъ кровными родителями во всѣхъ правахъ и преимуществахъ съ брачными дѣтьми, начиная эго узаконеніе внѣбрачнаго сына Богородицы Іисуса Христа за Его кровнымъ отцомъ по указанію евреевъ“. Затѣмъ онъ четыре раза обращается въ психіатрамъ проф. — у, докторамъ — —у и — —у съ просьбою изслѣдовать его и — —аго и рѣшить, есть ли признаки кровнаго родства между ними. Отвѣты психіатровъ были имъ истолкованы въ томъ смыслѣ, что они, судя по разсказу больного и наружному виду его и — —аго вполне допускаютъ возможность кровнаго родства, но что ихъ мнѣнія недостаточно, нужно судомъ установить этотъ фактъ. Отвѣта на прошеніе на Высочайшее имя не получалось. Такимъ образомъ приходилось возвращаться изъ Петербурга ни съ чѣмъ; кромѣ того онъ боялся, что родители —аго пожелаютъ взять его назадъ; тогда больной рѣшаетъ дѣйствовать еще настойчивѣе и притомъ вездѣ, гдѣ только можно. Онъ еще подаетъ 4 прошенія на Высочайшее имя, кромѣ того подаетъ прошенія митрополиту, въ Сенатъ и въ Государственную Думу. Наконецъ 24 января онъ снова поѣхалъ съ — —имъ въ Царское Село для подачи прошенія, но ихъ задержали, отвели въ полицейское управленіе, оттуда въ Царскосельскую больницу, а изъ Царскосельской больницы 27-го января препроводили въ больницу Св. Николая Чудотворца.

*) Подъ великимъ зломъ больной подразумѣваетъ усиливавшіяся вооруженія народовъ, проституцію и употребленіе одурманивающихъ веществъ. См. стран. 27.

Status praesens при поступленіи въ больницу: Больной роста выше средняго, хорошаго тѣлосложенія и питанія, костная и мышечныя системы развиты хорошо, подкожная жировая вѣтчатка умѣренно. Форма черепа правильная, дефектовъ костей, рубцовъ, вдавленій на немъ не замѣчается. Постукиваніе головы и позвоночника безболѣзненно, Уши развиты нормально, глазныя щели закрываются и раскрываются нормально, замѣчается небольшое дрожаніе опущенныхъ вѣкъ; дѣйствіе мимическихъ мышцъ и мимическія выраженія правильны и равномерны на обѣихъ сторонахъ; щеки надуваются равномерно; верхніе рѣзцы имѣютъ зубчатые края, полость рта и зѣва отклоненій отъ нормы не представляетъ; при высовываніи языка замѣчается небольшое дрожаніе; отклоненія его въ сторону не замѣчается. Развитіе тѣла и конечностей вполне правильное. При проведеніи по кожѣ рукояткой молотка-красный дермографизмъ въ умѣренной степени, но довольно долго держашійся. Походка правильная, твердая, при закрытыхъ глазахъ нѣсколько неувѣренная. Какихъ либо паралитическихъ, парѣтическихъ или судорожныхъ явленій въ мышцахъ туловища и конечностей не замѣчается, но при вытянутыхъ рукахъ замѣчается небольшое дрожаніе пальцевъ. Изъ рефлексовъ понижены; локтевые, ахилловы, брюшныя, праваго cremaster'a, подошвенныя, глоточныя и съ корня языка, слегка повышены оба коленные и лѣваго cremaster'a. Зрѣніе нормально и одинаково въ обоихъ глазахъ, реакція зрачковъ на свѣтъ прямая и сочувственная нормальна, на аккомодацию тоже, поле зрѣнія не сужено; слухъ, вкусъ и обоняніе нормальны. Тактильная и термическая чувствительность вездѣ въ предѣлахъ нормы, такъ же какъ и болевая. Чувство положенія и стереогностическое нормальны. Во внутреннихъ органахъ замѣтныхъ отклоненій отъ нормы не найдено, кромѣ небольшой глуховатости токовъ сердца. Р. 80—84. Сонъ, аппетитъ и стулъ нормальны; больной жалуется только на бывающія по временамъ боли въ поясницѣ ревматическаго характера. Въ психическомъ отношеніи въ первое время пребыванія больного въ больницѣ установлено слѣдующее: Больной спокоенъ, производитъ впечатлѣніе флегматика, себя больнымъ не считаетъ и раціональныхъ причинъ для помѣщенія его въ домъ умалишенныхъ не видитъ; признаковъ

раздраженія противъ кого либо по этому поводу не обнаруживаетъ, считаясь съ этимъ пребываніемъ какъ съ фактомъ, съ которымъ пока ничего не подѣлаешь, но отъ котораго все-таки нужно освободиться, такъ какъ онъ служить помѣхой дальнѣйшей дѣятельности больного. По временамъ высказываетъ мысль, что если бы всѣ люди, которые подобно ему вели развратную жизнь, время отъ времени попадали въ сумасшедшій домъ, то они остерегались бы развратничать. Ориентированъ во времени и мѣстѣ. Обманы чувствъ отрицаетъ; объективныхъ признаковъ ихъ не наблюдается. Память прошлыхъ событій сохранилась очень хорошо. *Merkfähigkeit* при извѣстномъ опытѣ съ сравненіемъ двухъ таблицъ съ рисунками оказалась развитой хорошо. Послѣ однократнаго прочтенія черезъ щель предъявленныхъ посредствамъ вращающагося барабана 10 словъ запоминаетъ пять какъ въ случаѣ отвлеченныхъ словъ, такъ и въ случаѣ словъ обозначающихъ реальные предметы. Больной читаетъ газеты, слѣдуетъ за современными событіями, но его обычный кругъ идей и интересовъ ограниченъ и состоитъ преимущественно изъ его системы взглядовъ (см. ниже) со всѣмъ, что къ ней относится, изъ плановъ будущей дѣятельности по узаконенію своихъ дѣтей и распространенію своихъ взглядовъ и изъ плановъ и заботъ о воспитаніи и о будущемъ — аго. Эвокативныя реакціи, вызываемыя обычнымъ путемъ, просьбы отвѣтить на предъявленное слово первымъ, что мелькнетъ въ умѣ, характеризуются (согласно существующимъ классификаціямъ) преимущественно эгоцентризмомъ, предикативизмомъ и наклономъ къ индивидуальнымъ воспоминаніямъ, въ первое время замѣчалась иногда наклонность реагировать сужденіями, но потомъ, когда больной освоился съ опытами, эта наклонность исчезла. Относительно времени эвокативной реакціи въ различныхъ опытахъ получились слѣдующія данныя: наипаче, встрѣчающимися величинами были отъ 1.4 до 2.2 сек. (по скаковымъ часамъ), срединныя числа колебались отъ 1.6 до 2.4, предѣлы среднихъ зонъ варіировали отъ 3.3—высшій, 2.0—низшій до 1.9 высшій и 1.4 низшій. Въ фактахъ повседневной жизни, въ чтеніи, въ разговорахъ вниманіемъ владеетъ хорошо. При испытаніи по методу Вашидивскихъ таблицъ получились слѣдующія данныя: количество всѣхъ просмотрѣнныхъ въ одну минуту значковъ неправильно колеба-

лось отъ 157 до 225 въ одномъ опытѣ (продолжит. 10 минутъ) и отъ 156 до 212 въ другомъ опытѣ (продолжит. 15 минутъ), наибольшій процентъ ошибокъ былъ въ одномъ опытѣ $3,12\%$ и палъ на 6-ую минуту, въ другомъ $3,22\%$ и палъ тоже на 6-ую минуту, ошибки отсутствовали на 3-ей и 5-ой минутѣ 1-го опыта и на 1-ой и 2-ой минутѣ второго опыта. При изслѣдованіи работоспособности по методу сложения однозначныхъ цифръ въ теченіе 10 мин. и затѣмъ контроля въ видѣ писанія нѣсколько разъ цифръ отъ 5 до 15 подрядъ безъ сложения получилось путемъ извѣстныхъ вычисленій, что время потребное для одного сложения колебалось отъ 0.54 до 0.66 секунды; ошибокъ при этомъ не замѣчено. Комбинаціонная способность (складываніе фигуръ изъ отрѣзковъ и методъ *Ebbinghaus'a*) развиты хорошо. Воспроизводящее воображеніе (перечисленіе предметовъ въ домѣ, церкви, школѣ, зимою, лѣтомъ) развито тоже хорошо; творческое же воображеніе (разсказъ на тему изъ двухъ словъ, предложеніе поглядѣвъ на несложную открытку, напр. „Лука“ изъ „На двѣ“ Горькаго, разсказать, что могло предшествовать или что можетъ быть потомъ) развито скорѣе скудно. Испытанія на сравненія, опредѣленія, умозаключенія и на провѣрку силлогизмовъ не показали какихъ либо отклоненій отъ обычной пормы. Свою систему взглядовъ больной излагалъ не только въ разговорахъ, но и въ написанныхъ имъ прошеніяхъ на имя различныхъ учреждений и вліятельныхъ лицъ и въ воззваніяхъ, которыя онъ раздавалъ посетителямъ больницы, считая пропаганду своихъ взглядовъ однимъ изъ главныхъ средствъ для ихъ реализаціи, поэтому и въ прошеніяхъ его болѣе мѣсто занимаетъ изложеніе взглядовъ и гораздо меньшее его просьбы о ходатайствѣ или повѣленіи его освидѣтельствовать скорѣе, объ узаконеніи за нимъ —аго и о помощи ему въ отыскиваніи его другихъ внѣбрачныхъ дѣтей. По мѣрѣ затягивающагося пребыванія въ больницѣ онъ такихъ прошеній и воззваній писалъ все больше и больше, компенсируя этимъ недостатокъ болѣе широкой дѣятельности, возможной только на свободѣ. Такъ какъ въ этихъ писаніяхъ онъ старался наиболѣе полно и связно изложить свои взгляды, то лучшимъ способомъ изложенія его воззрѣній является нижеслѣдующее приведеніе съ нѣкоторыми сокращеніями содержанія одного изъ воззваній: „Мило-

стивые Государыни и Государи! Всякій здравомыслящій человекъ, какъ Л. Н. Толстой, знаетъ, что безконечное вооруженіе народовъ, проституція и употребленіе одурманивающихъ веществъ: водки, вина, пива, табаку, опиума, морфина и другихъ веществъ есть великое зло цивилизованнаго міра. Это зло возможно искоренить только проведеніемъ (прямого и обратнаго дѣйствія)* закона о всемірномъ принудительномъ узаконеніи всѣхъ живыхъ и мертвыхъ вѣнбачныхъ дѣтей за ихъ кровными родителями во всѣхъ правахъ и преимуществахъ съ брачными дѣтьми безъ ограниченій въ духовномъ завѣщаніи, при помощи уѣздныхъ, губернскихъ, государственныхъ и международныхъ экспертныхъ комиссій изъ слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ, психолога, доктора и акушерокъ на томъ основаніи, что половое сношеніе двухъ противоположныхъ половъ и есть истинный бракъ. Это узаконеніе необходимо начать на третьей Гаагской международной конференціи о разоруженіи....* узаконеніемъ вѣнбачнаго сына Богородицы Маріи Иисуса Христа за его кровнымъ отцомъ Вѣроятнo таковымъ надо признать первосвященника Анну или Каіафу, судя по развратной жизни современнаго христіанскаго духовенства, которая такъ рельефно выразилась отлученіемъ отъ православной христіанскій церкви Льва Николаевича Толстого, этого истиннаго Спасителя всего міра XX вѣка. Точно опредѣлять кровнаго отца Иисуса Христа могутъ только евреи, такъ какъ они жертвоприношеніемъ Исаака, ученіемъ, страданіями и смертью Иисуса Христа проводили это узаконеніе такъ теперь они съ поляками *скрытно* проводятъ, что мною *внѣбрачнымъ отцомъ*,** моими страданіями, чтобы имѣть царей еврейской крози и пользоваться всѣми правами и преимуществами правилъ со своими порабощателями.... Кто бы ни проводилъ *безъ кровавыхъ человѣческихъ жертвъ* это узаконеніе, но только, положа руку на

* Вставка автора статьи на основаніи сказаннаго больнымъ при бесѣдахъ съ нимъ.

** Пропуски не характернаго и не существеннаго.

***) Встрѣчающіеся подчеркиванія сдѣланы самимъ больнымъ въ подлинникахъ воззваній.

сердце, нужно признаться, что оно есть альфа и омега, начало и конецъ всего закона Божія, наивысшая справедливость, исполнять которую Богъ Отецъ повелѣлъ первымъ людямъ отъ начала міра для полученія отъ него прощенія грѣховъ за вкушеніе запрещеннаго райскаго плода, т. е. сладострастія... и оно послужитъ азбукой для проведенія другихъ узаконеній для міра всего міра; напимѣръ 1-е—учрежденіе международнаго парламента изъ членовъ всѣхъ государствъ для борьбы съ великимъ зломъ при помощи вышеупомянутаго узаконенія на основаніи котораго весь земной шаръ и всѣ капиталы будутъ раздѣлены поровну на долю каждаго члена всего человѣчества*); 2-ое—Порученіе *медицинскому персоналу* веденіе записей рожденій, браковъ и смертей людей, преподаваніе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ международнаго языка эсперанто**) и наука о сохраненіи члѣовѣка отъ преждевременныхъ болѣзней и старости и смерти при помощи веденія спартанскаго образа жизни, земледѣльческаго ремесленнаго труда и лѣченія всѣхъ болѣзней преимущественно водой по способу доктора—пастора Кнейпа. 3-е Введеніе для всѣхъ желающихъ *многоженства* и многомужества вмѣсто вездѣ существующаго вороватаго, отъ котораго происходятъ звѣрскія убійства ни въ чемъ неповинныхъ виѣбрачныхъ дѣтей..... Или всѣхъ своихъ кровныхъ женъ, мужей и дѣтей узаконить за собой или никого и ничто не узаконять какъ поступаютъ духоборы, изгнанные русскимъ правительствомъ въ Канаду, за что Богъ наказалъ Россію войной съ Китаемъ, если на международной конференціи о разоруженіи не возвратятъ въ Россію духоборовъ*** отмѣною во всѣхъ госу-

* Въ бесѣдахъ большой это не вполне мотивированное слѣдствіе узаконенія виѣбрачныхъ дѣтей поясняетъ такъ: у богатыхъ всегда много виѣбрачныхъ дѣтей, при принудительномъ узаконеніи богатые будутъ нести больше расходовъ, а послѣ смерти ихъ оставленные капиталы будутъ раздѣлены, вслѣдствіе права на наслѣдство и виѣбрачныхъ дѣтей, между большимъ количествомъ лицъ. Такимъ образомъ постепенно произойдетъ уравненіе имуществъ.

** Обязанность преподаванія эсперанто въ разговорахъ большой мотивировалъ особымъ положеніемъ врачей, вынужденныхъ по профессіи имѣть близкія отношенія съ людьми разныхъ націй, а такое положеніе обязываетъ къ очень хорошему знанію эсперанто.

*** Духоборовъ большой въ разговорахъ называетъ новыми истинными христіанами въ томъ смыслѣ, что они снова воскресили бытъ и житіе древнихъ христіанъ.

дарствахъ всеобщей воинской повинности, этого самого чудовищнаго рабства 20-го вѣка. 4-ое — Введеніе подоходнаго налога на всѣхъ живыхъ мужчинъ и женщинъ, начиная съ половой зрѣлости, не имѣющихъ своихъ живыхъ дѣтей, въ пользу обремененныхъ дѣтьми. 5-ое — Назначеніе въ санъ первосвященника преимущественно женщинъ, чему учить введеніе во Святое Святыхъ Іерусалимскаго храма Богородицы Маріи, такъ какъ, если женщина родитъ внѣбрачнаго сына и своею грудью его воспитаетъ, то она достойна такой же чести и славы, какую христіане воздаютъ Богородицѣ за спасеніе ея своего внѣбрачнаго сына Іисуса отъ убійцы Царя Ирода**. 6-ое — Священники всѣхъ религій должны преподавать всѣмъ народамъ Законъ Божій въ такомъ смыслѣ, въ какомъ онъ изъясненъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ въ его сочиненіяхъ, которыя необходимо распространять по всѣму міру безъ всякихъ пропусковъ, такъ какъ изъ серьезнаго чтенія ихъ вытекаютъ эти благія для народа краткія узаконенія. Самымъ положительнымъ образомъ отрицая рожденіе *тѣла* Іисуса Христа безъ степени мужчины, отъ Духа Святого, я горячо вѣрю, что душа Его, ученіе Его родились отъ Духа Святого послѣ сорокадневнаго поста, молитвы и омовенія тѣла въ рѣкѣ Іордани, когда по выходѣ изъ воды вдругъ сгустились облака, засверкала ослѣпительная молнія, грянулъ оглушительный громъ и пролился теплый крупный дождь. *А душа, какъ сказалъ Христосъ, важнѣе тѣла.* Такимъ знаменіемъ неба сопровождалось и дарованіе Моисею 10 заповѣдей Божіихъ и мое сознательное крещеніе 19 сентября 1905-го года на лонѣ природы въ рѣкѣ —Ѣ, безъ посредника — священника. То Божій гласъ говорящій, что Богу совершенно не нужны наши рукотворенные храмы, отнимающіе у бѣдныхъ послѣднее, а нужно Ему для нашего блага „сердце чище злата, воли крѣпкая въ трудѣ, мнѣ нуженъ братъ, любящій брата, пужна мнѣ правда на судѣ“, какъ сказано въ стихотворе-

*) Въ бесѣдахъ больной говорилъ, что вообще на всякія мѣста духовныхъ лицъ нужно назначать по преимуществу женщинъ, при чемъ кромѣ приведенныхъ въ воззваніи мотивовъ, онъ еще выставлялъ практическое соображеніе, что женщины теперь для заработка трудятся на разныхъ поприщахъ даже неспокойныхъ, а должности духовныхъ лицъ спокойны, и потому особенно подходящи для женщинъ.

ни Хомякова „По прочтеніи псалма“. Большой въ бесѣдахъ съ нимъ категорически утверждалъ, что идея о принудительномъ узаконеніи вѣбрачныхъ дѣтей и вся система взглядовъ выработалась у него самостоятельно, но въ то же время у него не было замѣтно стремленія подчеркнуть эту самостоятельность, выставить свое авторское „я“. Какъ видно отчасти изъ „воззваній“ и еще болѣе рѣзко отмѣчалось въ его разговорахъ, онъ часть своихъ взглядовъ считалъ дальнѣйшимъ развитіемъ идей Л. Толстого, а относительно идеи принудительнаго узаконенія вѣбрачныхъ дѣтей былъ убѣжденъ, что эта идея существовала прежде и существуетъ и теперь у угнетенныхъ народовъ, особенно у евреевъ, при чемъ для проведенія этой идеи они пользуются всякимъ подходящимъ случаемъ и всякою подходящей личностью. Едва ли можно думать, что приводимые имъ въ воззваніи историческіе примѣры въ его толкованіи положили основаніе такой мысли; всего вѣроятнѣе, что само толкованіе ихъ такимъ образомъ было уже слѣдствіемъ этой мысли; явилась же она по всей вѣроятности результатомъ дедукцій изъ идеи объ узаконеніи дѣтей, циркулирующаго вопроса о равноправіи евреевъ и наблюдавшихся болнымъ (какъ онъ передавалъ) фактовъ обыденной жизни, нерѣдкихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ евреи, и показывавшихъ, какъ они умѣютъ достигатьжелаемаго, дѣйствуя черезъ другихъ лицъ. Наиболѣе крупнымъ фактомъ въ этомъ смыслѣ было убійство тетки больного съ цѣлью ограбленія работникомъ, который дѣйствовалъ, какъ указывала молва, по наущенію одного еврея. Такимъ образомъ намъ до извѣстной степени уясняется, хотя, конечно, больше съ внѣшней стороны, та почва, на которой у него сложилось мнѣніе, что евреи для проведенія со своей стороны узаконенія вѣбрачныхъ дѣтей и, — какъ слѣдствіе этого, — равноправія, дѣйствуютъ черезъ него. Въ бесѣдахъ съ нимъ онъ дополнялъ это мнѣніе такъ: выработавъ идею принудительнаго узаконенія вѣбрачныхъ дѣтей и проводя ее насколько возможно, онъ этимъ самымъ попалъ, какъ подходящий человекъ, въ кругъ дѣйствій евреевъ, и они рѣшили пользоваться имъ какъ орудіемъ для проведенія съ ихъ стороны этого же узаконенія. Поэтому онъ долженъ работать въ этомъ направленіи не только въ силу своего убѣжденія и готовности выполнить

эту миссію, но еще и потому, что ему все равно возврата нѣтъ, евреи не простятъ ему ни малѣйшаго отступленія и такъ или иначе отомстятъ ему; они и до поступленія въ больницу и въ стѣнахъ ея слѣдятъ за нимъ, по его наблюденіямъ, и разными способами, иногда съ угрозами, напоминаютъ ему объ его вибѣрачныхъ дѣтяхъ, о его миссіи. Свои историческіе примѣры: жертвоприношеніе Исаака и смерть Христа онъ приводилъ не только въ доказательство давности идеи объ узаконеніи вибѣрачныхъ дѣтей у евреевъ, но и какъ доказательство ихъ готовности въ крайнемъ случаѣ пожертвовать даже такими людьми, которые собственно проведеніемъ идеи узаконенія не занимались, но черезъ смерть которыхъ можно было бы такъ или иначе поднять и обострить вопросъ о вибѣрачныхъ дѣтяхъ. Какъ увидимъ дальше и эта мысль впослѣдствіи по временамъ выступала ярче въ бредовыхъ идеяхъ больного, но въ первое время наблюденія она была и для него чисто теоритической, оставалась, такъ сказать, въ тѣни и больной, будучи увѣренъ, что евреи отомстятъ ему, если онъ плохо или лѣниво будетъ исполнять свою миссію, въ то же время не думалъ, что евреи жертвуютъ именно имъ независимо отъ его стараній и плодотворности его дѣятельности, просто какъ лицомъ, по поводу котораго можно сстрѣе возбудить вопросъ о вибѣрачныхъ дѣтяхъ и о равноправіи. О вѣроятной причинѣ этого будетъ сказано ниже*. Реальное проявленіе вышензреченныхъ мыслей, кромѣ писанія прошеній, воззваній и бесѣдъ, съ окружающими лицами, пропаганднаго характера еще сказывалось въ направленіи и содержаніи его бреда отношеній. Вотъ образчики этого бреда: въ — ой больницѣ былъ больной еврей называвшій себя Колумбомъ, тотъ еврей и больного называлъ Колумбомъ (очевидно не попусту такое названіе со стороны еврея); когда онъ ѣхалъ съ — имъ въ Петербургъ, то сидѣвшіе въ вагонѣ евреи говорили „это — больные“ (этимъ они хотѣли сказать „смотрите, дѣлайте свое дѣло“, иначе зачѣмъ же имъ было обращать вниманіе на больного и — аго“); когда больной былъ въ Царскомъ Селѣ для подачи прошеній на Высочшее имя, ему встѣтились люди по фizioноміи похожіе на евреевъ (значить евреи слѣдятъ за его дѣйствіями); въ коридорѣ больницы двое боль-

*) См. стр. 35.

ныхъ хотя не еврей, но очень похожіе на евреевъ („вѣроятно, всетаки еврей“) о чемъ то говорили и иногда смотрѣли на него („у евреевъ и здѣсь есть своя рука, чтобы слѣдить за нимъ“). Вторымъ содержаніемъ бреда отношенія были отыскиваемые больнымъ вездѣ намеки на существованіе у него внѣбрачныхъ дѣтей и напоминаніе о необходимости отыскать ихъ: въ обходѣ палаты дежурной женщиной—врачемъ, имѣющей рыжіе волосы, онъ видѣлъ указаніе на одну рыжую проститутку, отъ которой могъ имѣть дѣтей; въ поступленіи въ палату, гдѣ онъ находился, рябого больного онъ видѣлъ указаніе, что у него могли быть дѣти и отъ одной рябой проститутки; въ фактѣ поступленія въ ту же палату эпилептика онъ видѣлъ намекъ и подтвержденіе словъ одного гордого въ —ѣ, который, указывая ему на бродившаго по улицѣ слабоумнаго эпилептика, сказалъ: „вотъ это тоже твой сынъ“. Въ связи съ этимъ бредомъ отношенія можно поставить и характеръ толкованія больнымъ его сновъ. Судя по его словамъ и автобіографіи, онъ и прежде былъ склоненъ придавать значеніе снамъ, основывая это на примѣрахъ Св. Исторіи, но толкованія были различны, теперь же всякій сонъ, который онъ могъ припомнить, онъ истолковывалъ съ большими натяжками, съ прибѣганіемъ къ символизму, въ смыслѣ указанія и предостереженія относительно выполненія миссіи и относительно его внѣбрачныхъ дѣтей, при чемъ и тутъ евреи играли приписываемую имъ роль. Для дальнѣйшей характеристики бреда отношенія и идеи о надзорѣ за больнымъ со стороны евреевъ и о возможности непріятностей отъ местъ ихъ нужно отмѣтить еще слѣдующія три особенности: 1) Здѣсь нѣтъ отнесенія идеи и наблюдаемыхъ явленій къ своей личности, такъ сказать въ біологической ея цѣлости и мы не имѣемъ „потревоженнаго біологическаго чувства“ по крайней мѣрѣ въ замѣтномъ проявленіи, здѣсь все относится къ личности какъ къ представителю извѣстной идеи и дѣятелю во имя этой идеи; здѣсь идея преслѣдованія представляется довольно строго обусловленной: если онъ будетъ небреженъ и лѣнивъ... если евреямъ будетъ нужно... 2) ни въ словахъ ни въ поведеніи больной ничѣмъ не давалъ повода думать, что эта идея объ евреяхъ и факты отмѣченные имъ посредствомъ бреда отношенія дѣйствуютъ на него угнетающимъ, обезпокоивающимъ или раздражающимъ образомъ. Съ этой стороны боль-

ной скорѣе производилъ впечатлѣніе чловѣка, имѣющаго извѣстную концепцію, встрѣчающаго часто факты, которые, по его мнѣнію, говорятъ за вѣрность ея и иллюстрируютъ ее, но относящагося и къ этой концепціи и къ встрѣчающимся фактамъ объективно. Такое объективное отношеніе по всей вѣроятности, въ значительной степени поддерживалось убѣжденіемъ больного, что онъ и самъ по себѣ безъ всякихъ угрозъ не броситъ намѣченной дѣятельности, въ больницѣ долго не засидится и по выпискѣ употребитъ всѣ силы, чтобы поднять, пропагандировать и обострить вопросъ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ; кромѣ того онъ надѣялся на успѣхъ въ своей дѣятельности; 3) будучи вообще вполне убѣжденъ въ вѣрности своего бредового истолкованія фактовъ и въ вѣрности своего мнѣнія объ отношеніи къ нему евреевъ онъ, по временамъ, въ разговорѣ съ врачомъ могъ быть доведенъ до критическаго отношенія и къ этому мнѣнію и къ своему толкованію фактовъ, выражаемаго словами: „конечно, возможно, что это мнѣ такъ кажется, потому что на ворѣ шапка горитъ“. Эта пословица по его объясненіямъ обозначала въ данномъ случаѣ слѣдующее: можетъ быть, ему просто такъ кажется, потому что онъ такъ настроенъ, во первыхъ тѣмъ, что видѣлъ въ жизни *), затѣмъ мыслью, что евреи проводятъ ту же идею, что и онъ и наконецъ сознаниемъ, что онъ до сихъ поръ сдѣлалъ очень мало для проведенія этой идеи и поэтому мало искупилъ свою прежнюю блудную жизнь.

Это критическое отношеніе не было актомъ наружной уступки изъ вѣжливости, потому что нѣкоторое время спустя послѣ разговора, а два раза даже вечеромъ того дня, когда утромъ вызывалось критическое отношеніе, онъ безъ возобновленія спора заявлялъ врачу: „а пожалуй вы правы“ и приводилъ толкованіе новыхъ примѣровъ въ духъ мнѣнія врача. Но такое критическое отношеніе вызывалось не часто и во всякомъ случаѣ ночной сонъ какъ бы смывалъ его. Часто же никакія попытки вызвать критическое отношеніе не удавались, и онъ послѣ нѣ котораго спора выставлялъ какъ конечный аргументъ: „все можетъ быть, но я знаю что это такъ“. Эта возможность хотя бы кратковременнаго критическаго от-

*) Настойчивость евреевъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и умѣніемъ ихъ пользоваться другими лицами для выполненія этихъ цѣлей.

ношенія была сведена къ minimumу относительно идеи, что —ій его сынъ. Этотъ минимумъ выражается съ его стороны въ чисто теоретическихъ допущеніяхъ: онъ не выражалъ мысли, что это его убѣжденіе выше и вѣрнѣе всѣхъ могущихъ быть по этому поводу мнѣній; онъ признавалъ, что предполагаемая имъ экспертная комиссія болѣе компетентна въ этомъ вопросѣ, чѣмъ онъ и выражалъ желаніе подвергнуть вопросъ экспертизѣ; онъ признавалъ, что съ фактической стороны нужно въ этомъ вопросѣ выяснить темные пункты, напр., допросить мать —аго; онъ соглашался, что если бы экспертная комиссія вынесла отрицательное рѣшеніе, то хотя ему было бы тяжело, но онъ разстался бы съ —имъ, такъ какъ „чужихъ дѣтей хотя бы царской крови воспитывать не желаетъ“, но всѣ эти допущенія онъ считалъ возможными только теоретически и не вѣрилъ, чтобы болѣе подробное разслѣдованіе фактовъ опровергло его мнѣніе. Въ защиту своего мнѣнія онъ приводилъ слѣдующія доказательства: 1) лѣта —аго совпадаютъ со временемъ сношенія больного съ неизвѣстной женщиной на ярмаркѣ; 2) мать —ага до этого времени была безплодна и избѣгая обычныхъ нареканій евреевъ за безплодіе, должна была стремиться забеременѣть хоть отъ другого мужчины; 3) когда онъ заявилъ родителямъ —аго, что —ій его сынъ, то они все-таки не выгнали его сразу, а переговаривались съ нимъ; 4) —ій физиономіей похожъ на больного *) и на его брата и больной даже первоначально колебался, кто можетъ съ болѣею вѣроятностью считаться отцомъ —аго, онъ или его братъ, но, увидѣвъ скорѣ послѣ знакомства съ —имъ во снѣ свое посѣщеніе ярмарки, счелъ это за указаніе, что —ій его сынъ, а не брата; 5) —ій похожъ на него по жесткимъ волосамъ и перхоти на головѣ; 6) у —аго такое же острое обоняніе, какъ у больного, онъ такъ же любитъ сласти и вообще любитъ поѣсть, если пища хороша и можетъ такъ же много слѣсть, какъ и самъ больной; 7) онъ такъ же тупъ, лѣнивъ, разсѣянъ и раздражителенъ, какъ былъ больной въ дѣтствѣ и отрочествѣ; 8) —ій такъ же часто занимается онанизмомъ, какъ это дѣлалъ больной; 9) психіатры—профессоръ —ъ и доктора: —ъ и —ъ вполне допускаютъ возможность, что —ій его сынъ, но не

*) Фактически больного сходства не было.

выдаютъ въ этомъ удостовѣреніи, потому что это имъ не предоставлено закономъ; 10) самымъ же сильнымъ и окончательнымъ, по его мнѣнію, аргументомъ было то, что „онъ сердцемъ чувствуетъ“, что — ий его сынъ. О первомъ своемъ предполагаемомъ сынѣ онъ говорилъ мало, но точно также выражалъ убѣжденіе, что этотъ юноша его сынъ.

По отношенію къ идеѣ привудительнаго узаконенія всѣхъ внѣбрачныхъ дѣтей живыхъ и мертвыхъ, къ ея вѣрности, религіозности, моральности и по отношенію къ благотѣльнымъ для человѣчества послѣдствіямъ въ случаѣ ея осуществленія, у него никогда не замѣчалось и никогда не удавалось вызвать даже тѣни критическаго отношенія. Если во время или послѣ разбора съ врачомъ для него обнаруживалась слабость какихъ-нибудь изъ его аргументовъ, онъ придумывалъ новые, дѣлалъ разныя натяжки, предположенія изъ областей недостаточно изслѣдованныхъ, но обнаруженная слабость аргументовъ въ его глазахъ вичуть не колебала идею; если ему приводились нѣкоторые неудобныя послѣдствія осуществленія этой идеи, онъ соглашался съ этимъ, но мирился со всѣми послѣдствіями и заявлялъ: „что же дѣлать? пусть будетъ такъ“. Мы видимъ, что онъ въ изъзваніи пророчествуетъ насчетъ войны, въ разговорахъ онъ предсказывалъ неурожай, но эти пророчества у него являлись не слѣдствіемъ того что онъ считалъ себя способнымъ прорикать, пророкомъ какъ мы уже отмѣтили при амамнезѣ и, какъ еще увидимъ дальше, у него не замѣчалось переоцѣнка своей личности.

Эти пророчества были слѣдствіемъ глубокаго убѣжденія въ истинности и спасительности своихъ взглядовъ и вывода, что отступленіе отъ высшей правды, выраженной въ этихъ взглядахъ или замедленіе въ ея осуществленіи должны получить возмездіе, при чемъ чтеніе газетъ давало ему матеріалъ и основу для формулировки возмездія.

Эта слабость критики по отношенію къ системѣ взглядовъ и къ бредовымъ идеямъ распространялась хотя большею частью не въ такой степени и на тѣ выводы и заключенія, которые больной дѣлалъ, приводя при случаѣ какой либо фактъ или идею въ соотношеніе со своими бредовыми идеями и съ системой взглядовъ. Слѣдующіе примѣры могутъ служить поясненіемъ: 1) Государственная Дума, по его убѣжденію, песомнѣнно проведетъ всеобщее узаконеніе внѣбрачныхъ

дѣтей, такъ какъ не можетъ же она, законодательствуя, оставить безъ утвержденія такой важный законъ и заслужить упрекъ, что претендуя на дѣловитость упустила важное; 2) больной заявлялъ, что онъ самъ не хочетъ быть выписаннымъ на поруки, такъ какъ его несомнѣнно признають душевно-больнымъ; если бы онъ захотѣлъ, то онъ безъ затрудненія нашелъ бы сколько угодно поручителей, такъ какъ только не далекіе люди могутъ не раздѣлять его идей, и только трусливые боятся ихъ, а свѣтъ состоитъ не исключительно изъ недалекихъ и трусливыхъ людей. Въ связь со своей системой идей больной приводилъ преимущественно вычитанные или слышанные имъ факты общественной жизни. Кромѣ очерченнаго значенія и вліянія системы взглядовъ и бредовыхъ идей больного, наблюденіе дали возможность отмѣтить еще характерную особенность въ механизмѣ его интеллектуальной дѣятельности. Эта особенность состояла въ томъ, что тѣ факты или идеи, выходящіе изъ предѣловъ рутинной обыденной жизни, которые почему-либо не приводились въ связь ни съ системой взглядовъ, ни съ бредовыми идеями, часто оставались въ теченіе нѣкотораго времени, если можно такъ выразиться, изолированными, пока не приходили сопоставленія или же больной реагировалъ на нихъ въ первый моментъ сопоставленіемъ съ общими шаблонными истинами безъ коррекціи выводовъ сообразно даннымъ обстоятельствамъ, коррекція же наступала только чрезъ извѣстное время, а въ нѣкоторыхъ, правда, сравнительно рѣдкихъ случаяхъ только подъ вліяніемъ наведенія чьей-нибудь стороны (напр., врача). Другими словами для реакціи на такіе необыденные не рутинные факты и идеи, для обработки и выводовъ изъ нихъ у него въ качествѣ матерьяла для сопоставленія являлись преимущественно и всего раньше его система взглядовъ, его бредовыя идеи и общія шаблонныя истины. Процессъ же появленія другихъ посылокъ, которыя были необходимы при данныхъ обстоятельствахъ для приспособительнаго вывода или поступка былъ часто въ той или другой степени замедленъ, а иногда даже требовалъ наведенія со стороны другихъ лицъ. Иллюстраціей этого вывода могутъ служить слѣдующіе факты: 1) Въ своихъ посланіяхъ онъ называлъ полностью фамиліи дѣйствующихъ лицъ на томъ основаніи, что нечего скрывать правду и нужно было усиленно втолковывать ему, что даже когда эта правда будетъ

совершенно ясно доказана судомъ и экспертами все же неудобно такъ, безъ нужды, напр., порочить женскую честь и что идеи можно распространять безъ компрометированія другихъ лицъ; 2) Однажды въ рагорѣ о музыкѣ больной, признавая ея пользу и смягчающее на душу вліяніе, прибавилъ: „однако не всегда“ и тутъ же для поясненія подѣлился слѣдующимъ фактомъ: когда на дняхъ опъ услышалъ, что одному больному вечеромъ запретили играть на балалайкѣ, то подумалъ „зачѣмъ лишать людей такой забавной и полезной забавы“, но сейчасъ же вспомнилъ, что уже въкоторые больные легли спать и музыка можетъ помѣшать имъ заснуть, а сонъ для больныхъ важнѣе и полезнѣе. Въ сферѣ ругины обыденной больничной жизни никакихъ дефектовъ въ механизмѣ интеллектуальной дѣятельности у него не удалось замѣтить. Затѣмъ нужно еще прибавить какъ результатъ наблюденій, въ согласіи съ данными лабораторнаго изслѣдованія, въ разговорѣ и въ разсужденіяхъ больного формальная логика была сохранена. Со стороны реакцій чувства больного можно характеризовать какъ очень хладнокровнаго человѣка, съ „хотлацкой флегмой“, рѣдкіе случаи, когда больной выказывалъ болѣе или мевѣе рѣзкіе признаки раздраженія или огорченія, вызывались исключительно малоуспѣшностью и шалостями —аго, но и тутъ больной быстро бралъ себя въ руки. При всемъ этомъ у больного нельзя было отмѣтить тупости чувства, оно проявлялось и по поводу мелкихъ явленій больничной жизни и по поводу вычитанныхъ событій, по сдержанно. Затѣмъ у больного не замѣчалось никакихъ проявленій, которыя бы можно отнести къ наличности или примѣси маіакально-депрессивнаго психоза. По отношенію къ медицинскому и служительскому персоналу больницы, а такъ же по отношенію къ окружающимъ больнымъ и посѣщающимъ ихъ лицамъ больной велъ себя спокойно, вѣжливо, при случайныхъ недоразумѣніяхъ съ другими больными былъ сдержанъ, рѣдко проявлялъ чувство возмущенія, большею же частью, высказавъ свой взглядъ на инцидентъ, отходилъ. Онъ не приставалъ ни къ кому съ разговорами, но разговаривалъ очень охотно, при чемъ старался свести разговоръ на свои любимыя темы, выраженные въ системѣ взглядовъ, особенно же на свою основную идею объ узаконеніи вѣбренныхъ дѣтей. Встрѣчая несогласіе со своими взглядами, не раздражался а старался защитить ихъ, не проявляя нетеримости къ чужимъ

мнѣніямъ. Въ немъ не было замѣтно претензій на преимущественное вниманіе къ себѣ и на преимущественное удовлетвореніе его личныхъ интересовъ, онъ нигдѣ не выставялъ своего „я“ на первый планъ и ни чѣмъ не давалъ повода думать, что онъ считаетъ себя выдающеюся личностью.

Выше *) было уже упомянуто, что онъ не подчеркивалъ своего авторства въ системѣ его взглядовъ. Любопытны были его отношенія къ —ому. Почти все время онъ проводилъ съ нимъ, руководя насколько возможно его поступками, терпѣливо сносилъ часто надоедливыя приставанія —аго, не оставляя безъ отвѣта ни одного вопроса ни одного заявленія. Онъ считалъ себя въ правѣ приказывать —ому и огорчался въ случаѣ неповиновенія; онъ былъ сильно озабоченъ разсѣянностью, лѣнью и малоуспѣшностью —аго. При обученіи грамотѣ, которымъ онъ занимался съ —имъ ежедневно, проявляя при этомъ поразительное терпѣніе. Не смотря на то, что разлука съ —имъ была бы для него очень тяжела, онъ иногда мечталъ о помѣщеніи —аго при первой возможности въ какое нибудь заведеніе для малоуспѣшныхъ. Онъ заботился о всѣхъ потребностяхъ —аго хлопоталъ передъ врачомъ о полученіи нѣкоторыхъ льготъ для него и для себя прибавочной порціи; онъ не только свою прибавочную порцію отдавалъ —ому, но даже дѣлился съ нимъ, обладающимъ завиднымъ аппетитомъ, и своею, такъ сказать, основной пищей. Не безинтересно отмѣтить, что —ій со своей стороны подчинялся авторитету больного, не стараясь избавиться отъ него, исполняя его порученія и даже по временамъ проявлялъ мелкія заботы объ немъ и если оказывался непослушнымъ, то скорѣе по живости темперамента и импульсивности. Онъ называлъ больного по фамиліи, но тѣмъ не менѣе, если кто нибудъ говорилъ: „иди къ отцу“ или, „слушайся отца“ онъ шелъ къ больному или отвѣчалъ „буду слушаться“. Дальнѣйшія событія показали, что истинной привязанности къ больному, какъ къ родному —и не питалъ, онъ просто подчинялся авторитету сравнительно болѣе сильной личности и кромѣ того чувствовалъ себя во всѣхъ отношеніяхъ лучше подъ его покровительствомъ.

*) См. стр. 31.

Описаніе случая основано на наблюденіяхъ до половины сентября 1912 года, когда оно по внѣшнимъ причинамъ было прекращено. 21-го февраля 1913-го года больной былъ отправленъ по случаю рожѣ на правой голени въ соматическую больницу, гдѣ и скончался отъ флегмоны и септицеміи 25-го февраля того же 1913-го года. Вскрытіе было произведено; съ соматической точки зрѣнія, найдены: флегмена голени, явленія септицеміи, *adipositas cordis* и *leptomengitis fibrosa chronica*.

Время свое онъ проводилъ въ обученіи грамотѣ „сына“, въ бесѣдахъ съ нимъ и съ другими больными, въ писаніи „возваній“ и прошеній и въ чтеніи газетъ. Засыпалъ и вставалъ въ опредѣленное время, страдалъ бессонницей, ночью никогда не просыпался на продолжительное время, днемъ не спалъ. Имѣлъ хорошій аппетитъ, но ограничивалъ себя въ пользу „сына“, при этомъ имъ руководили отчасти привязанность къ „сыну“, а отчасти убѣжденіе, что человѣкъ долженъ быть умѣреннымъ; стулъ иногда былъ нѣсколько запорный. По временамъ больной жаловался на боли въ поясницѣ ревматическаго характера, не сопровождавшіяся ни какими замѣтными измѣненіями въ сферѣ чувствительной, двигательной или въ функціяхъ тазовыхъ органовъ. Съ 16-го по 21-е августа 1911 года перенесъ рожу, на лѣвой ногѣ, начавшуюся съ голени; по выздоровленіи отъ нея не было замѣтно, чтобы инфекція какимъ либо образомъ оразилась на его физическомъ или психическомъ состояніи. 26-го мая 1910 года больной былъ демонстрированъ въ научномъ собраніи врачей больницы, и скоро убѣдилъ себя, что врачи признали его душевно-здоровымъ и кровнымъ отцомъ —аго, но это убѣжденіе не привело къ требованію отъ врачей немедленной выписки, такъ какъ онъ помнилъ слова проф. —а, о недостаточности одного только мнѣнія врачей въ подобныхъ случаяхъ и все время ждалъ вызова въ комиссію при Губернскомъ Правленіи. 23 января 1912 года онъ былъ вызванъ наконецъ въ эту комиссію. Узнавши о томъ, что комиссія не признала его душевно-здоровымъ, онъ первое время былъ въ угнетенномъ состояніи, но вскорѣ оправился, сдѣлавъ выводъ, что во первыхъ комиссія недостаточно тщательно занялась имъ, а во вторыхъ что она недостаточно компетентна для заключенія объ его идеяхъ и слѣдовательно объ его психической нормальности;

для этого нужно, по его мнѣнію, болѣе обширную и компетентную комиссію, куда между прочимъ входили бы и высшіе представители другихъ вѣдомствъ и даже посланники въ виду общемірового значенія закона о принудительномъ узаконеніи внѣбрачныхъ дѣтей. Послѣ неудачи въ комиссіи онъ сталъ еще больше писать прошеній и возваній, а съ другой стороны сталъ хлопотать, чтобы кто нибудь изъ его родныхъ или знакомыхъ взялъ его изъ больницы хоть на поруки. Что касается системы взглядовъ больного, то прежде всего нужно отмѣтить, что за это время произошло повышение оцѣнки основной идеи: въ первое время наблюденія больной глядѣлъ на всѣ свои взгляды какъ на комбинацію удовлетворенія нравственнымъ и религіознымъ требованіямъ устроить благополучную нормальную жизнь людей. Въ концѣ періода наблюденія онъ считаетъ идею объ узаконеніи внѣбрачныхъ дѣтей, выражаясь его словами „драгоценностью дороже брилліанта“, равнаго евангельскимъ истинамъ и заслуживающей такого же распространенія. Появившееся за это время новое въ содерженіи въ системѣ идей можно считать скорѣе дополненіемъ и развитіемъ все болѣе и болѣе усиливающейся и захватывающей больного доминирующей идеи. Это новое состоитъ въ слѣдующемъ: 1) человекъ не только обязанъ узаконять и воспитывать своихъ дѣтей, но дѣти (воспитываемые) и есть наши молитвы, наши храмы и мощи 2) Богъ абсолютно запретилъ половыя сношенія и слова „плодитесь и размножайтесь“ нужно понимать въ томъ смыслѣ, что люди должны, совершенствуя себя, увеличивать число совершенныхъ существъ, а во-вторыхъ все въ природѣ стремится къ высшему состоянію и „по Дарвину“ можно ожидать, что и животныя постепенно переродятся въ высшія формы 3) при настоящемъ состояніи людей трудно ожидать, чтобы они отказались отъ грѣха сладострастія; поэтому лучше и практичнѣе будетъ, если непрестанно напоминая людямъ объ обязанности стремиться къ половому воздержанію, въ то же время свободно допускать переходъ въ магометанство; тогда легче будетъ разобратся въ кровномъ родствѣ и въ узаконеніи дѣтей; люди думающіе, что магометанство равнозначуще съ половой распущенностью, ошибаются, магометанство не предписываетъ непременно людямъ половую жизнь, есть и монахи—магометане.

Въ февралѣ 1912-го года больного постигли непріятности очень серьезныя съ его точки зрѣнія: во-первыхъ онъ узналъ, что родители —аго справлялись, могутъ ли они взять сына къ себѣ на поруки, и что больница дала утвердительный отвѣтъ; во-вторыхъ; —ій, узнавши о томъ же, сталъ мало подчиняться авторитету больного, заявлялъ ему, что онъ хочетъ домой, что онъ замученъ ученіемъ. Больной такую перемену въ —омъ приписывалъ вліянію нѣкоторыхъ больныхъ, на что впрочемъ имѣлись дѣйствительно извѣстныя основанія. На эти непріятности больной реагировалъ тѣмъ, что въ письмахъ къ роднымъ и знакомымъ кромѣ просьбъ о выпискѣ его просилъ посредствомъ денегъ уладить дѣло съ родителями —аго такъ, чтобы они позволили ему оставить —аго при себѣ: во-вторыхъ, просилъ администрацію и врачей больницы въ случаѣ приѣзда родныхъ —аго не отдавать имъ юношу, а стараться задержать ихъ и направить къ слѣдователю для разбора дѣла о кровномъ родствѣ —аго.

Въ теченіе двухъ лѣтъ пребыванія въ больницѣ больной еще два раза подвергался психопатологическому изслѣдованію одинъ разъ полному, другой разъ только на память, ассоціаціи и функцію мышленія. Полученные результаты не отличались замѣтнымъ образомъ отъ результатовъ перваго изслѣдованія. Хотя какъ сказано больной довольно скоро оправился отъ удара нанесеннаго ему отказомъ комисіи признать его здоровымъ, тѣмъ не менѣ послѣ этого у него по временамъ безъ всякой правильности стало проявляться угнетенное настроеніе, которое онъ мотивировалъ тѣмъ, что долго засидѣлся въ больницѣ, стѣсненъ въ своей дѣятельности и озабоченъ поведеніемъ и будущностью —аго. Какихъ-либо признаковъ маниакально-депрессивнаго психоза не замѣчалось. Больной по-прежнему былъ спокоенъ, выдержанъ, не замѣчалось рѣзкихъ аффективныхъ вспышекъ, но не замѣчалось и тупости чувства. По поводу того, что больной сталъ сильнѣе тяготиться своимъ затянувшимся пребываніемъ въ больницѣ нужно отмѣтить, что онъ не видѣлъ въ этомъ происковъ или преслѣдованія съ чьей-либо стороны, а считалъ это затянувшееся пребываніе результатомъ общаго неустройства жизни.

Какъ отмѣчено выше въ началѣ періода наблюденія не смотря на увѣренность, что —ій его сынъ, больной все-таки ждалъ заключенія экспертной комисіи, признавалъ ея высшую

компетентность допускалъ невыясненность нѣкоторыхъ обстоятельствъ въ этомъ вопросѣ; къ концу же наблюдаемаго періода онъ категорически говорилъ, что по отношенію къ этому вопросу онъ ни въ какихъ коммиссіяхъ не нуждается, каково бы ни было ихъ заключеніе, онъ увѣренъ и знаетъ, что — ий его сынъ.

Бредъ преслѣдованія со стороны евреевъ остался въ большинствѣ своихъ проявленій тѣмъ же, но при появлявшимся у него въ послѣднее время иногда угнетенномъ настроеніи *) выступала рѣзче, отмѣченная выше **), но въ началѣ остававшаяся въ тѣни, идея, что евреи могутъ расправиться съ нимъ даже убитъ независимо отъ того, хорошо ли онъ исполняетъ свою миссію, если это по ихъ расчетамъ окажется болѣе выгоднымъ для обращенія болѣе остраго вниманія общества, на вопросъ объ узаконеніи внѣбрачныхъ дѣтей. Къ этому бреду преслѣдованія со стороны евреевъ присоединился во время пребыванія въ больницѣ бредъ преслѣдованія со стороны внѣбрачныхъ дѣтей, которые подобно евреямъ слѣдятъ за его дѣятельностью, грозятъ всякими неприя́тностями вплоть до убійства, если онъ не будитъ ревностно исполнять свою миссію. Эта идея такъ же какъ и идея объ евреяхъ обосновывалась не на обманахъ чувствъ, а съ одной стороны на выводѣ о заинтересованности и внѣбрачныхъ дѣтей въ вопросѣ объ узаконеніи, съ другой стороны на истолкованіи въ духѣ этой идеи нѣкоторыхъ больничныхъ фактовъ въ родѣ, напр. того, что когда онъ проходилъ по корридору, то одинъ изъ больныхъ (вѣроятно внѣбрачный сынъ) держалъ въ рукахъ красную бумажку (намекъ на кровь) Аналогично идеѣ объ евреяхъ при угнетенномъ состояніи идея о неприя́тностяхъ со стороны внѣбрачныхъ дѣтей модифицировались въ томъ смыслѣ, что внѣбрачные дѣти могутъ расправиться съ нимъ и безъ всякихъ обусловливаній — просто изъ мести недостойнымъ развратнымъ отцамъ, каковымъ онъ себя считалъ. Но и во время такихъ модифицированныхъ бредовыхъ идей онъ какъ и прежде не принималъ никакихъ мѣръ въ огражденію своей личности, полагая что такихъ мѣръ предосторожности, которыя гарантировали бы ему полную безо-

*) См. стр. 47.

**) См. стр. 33.

пастность, нѣтъ, а потому „будь что будетъ“ и ему лучше употребить свое время на посильное выполнение своихъ задачъ, чѣмъ тратить его на напрасныя предосторожности. Относительно вліянія угнетеннаго настроенія на бредъ больного наблюденія дали возможность отмѣтить еще слѣдующіе факты: 1) въ такомъ состояніи онъ значительно чаще примѣнялъ бредовое истолкованіе къ встрѣчавшимся обыденнымъ случаямъ; 2) во время такого настроенія ни разу не удавалось вызвать, хоть минимальное критическое отношеніе къ бреду. Впрочемъ, и вообще внѣ угнетеннаго настроенія съ теченіемъ времени, а особенно въ послѣднее время наблюденія, попытки вызвать критическое отношеніе къ бреду преслѣдованія и вообще очень рѣдко увѣнчивались успѣхомъ; даже въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда онъ по прежнему соглашался, что быть можетъ это ему только такъ кажется, это критическое отношеніе покидало больного въ сущности съ концомъ разговора, по крайней мѣрѣ очень скоро послѣ окончанія такого разубѣждающаго разговора больной на соответствующіе вопросы отвѣчалъ по схемѣ; все можетъ быть и все таки это навѣрное такъ“. Всего чаще такая схѣма отвѣта примѣнялась имъ и во время разубѣждающаго разговора.

За все время наблюденія не было замѣчено ни одного случая, который бы давалъ поводъ сомнѣваться въ сохранности формальной логики у больного; но усилился отмѣченный выше дефектъ, состоящій въ томъ, что у больного появленіе необходимыхъ для приспособительнаго мышленія сопоставленій или коррекціи было въ той или другой степени замедлено. Сравнительно чаще попадались случаи, гдѣ коррекція поступала только подъ вліяніемъ другихъ лицъ да и то иногда удавалась не сразу и не вполне. За все время наблюденія не было замѣчено ни одного проявленія, которое давало бы поводъ думать о повышенной оцѣнкѣ больнымъ своей личности и своихъ личныхъ, интересовъ; какъ и вначалѣ періода наблюденія ни въ поступкахъ по отношенію къ другимъ, ни въ обычныхъ разговорахъ, ни въ пропагандѣ своихъ взглядовъ онъ нигдѣ не выставлялъ на первый планъ свое „я“ и никогда не требовалъ преимущественнаго удовлетворенія своихъ личныхъ желаній и интересовъ. Въ поступкахъ обыденной жизни и въ отношеніи къ врачебному и служительскому персоналу больной былъ спокоенъ, вѣжливъ, сдержанъ. При столкновеніяхъ

высказывалъ свое отношеніе къ причинѣ столкновенія и отходилъ прочь. Въ самое послѣднее время у него прорывалось впрочемъ тоже сдержанное раздраженіе противъ нѣкоторыхъ больныхъ и онъ даже жаловался на нихъ врачу за то, что они подстрекали его къ неповиновенію и разнымъ рѣзкимъ выходкамъ противъ него. Не смотря на то, что—ій въ виду отрывшейся возможности отправки на родину и освобожденія отъ ученія оказался податливымъ къ такого рода подстрекательствамъ и сильно огорчалъ больного шалостями, и дерзостями, больной хотя и дѣлалъ ему выговоры и упреки, но нисколько не измѣнилъ выше описаннаго *) отношенія къ „сыну“. Не безинтересно для оцѣнки полученныхъ данныхъ отмѣтить появившійся во время пребыванія въ больницѣ особый оттѣнокъ въ отношеніи къ пользующему врачу. Въ началѣ періода наблюденія больной просто охотно разговаривалъ съ врачомъ, вскорѣ же онъ сталъ высказывать мысль, что бесѣда его съ врачомъ есть провѣрка его совѣсти, своего рода преддѣліе страшнаго суда и такимъ образомъ нѣтъ смысла говорить неправду: все равно рано или поздно все откроется. Въ силу такого взгляда онъ и написалъ для врача довольно обширную автобіографію.

Такова исторія болѣзни. На основаніи ея мы едва ли затруднимся отнести данный случай къ группѣ паранойальныхъ заболѣваній, понимая паранойю въ обычномъ еще болѣе обширномъ смыслѣ этого слова и оставляя въ сторонѣ вопросъ о возможности разнесенія параной по другимъ нозологическимъ группамъ. Среди обширнаго класса параной этотъ случай въ видахъ болѣе спеціальной діагностики съ наибольшимъ правомъ можетъ быть включенъ въ группу изобрѣтателей, благодѣтелей человѣчества и п. д. Но, не представляя изъ себя по существу какой-либо новой формы въ патологическомъ отношеніи, этотъ случай во-первыхъ достаточно ярко иллюстрируетъ нѣкоторыя особенности паранойальнаго разстройства какъ то постепенное уврѣпленіе бредовыхъ идей и уменьшеніе крити-

*) См. стр. 42.

ческаго отношенія къ нимъ, генезисъ неправильныхъ выводовъ при сохранности формальной логики, вліяніе настроенія на характеръ бреда; во-вторыхъ, представляетъ двѣ заслуживающія вниманія черты, изъ которыхъ одна касается роли аффективной сферы у параноиковъ, а другая многократно упоминаемаго эгоизма параноиковъ. Эти двѣ черты заслуживаютъ особаго разсмотрѣнія тѣмъ болѣе, что онѣ вмѣстѣ со своеобразнымъ характеромъ бреда были причиной, вслѣдствіе которой авторъ позволилъ себѣ описать этотъ случай. Обычно у параноиковъ, особенно же у претерпѣвшихъ серьезныя столетновенія съ жизнью, мы видимъ повышенную въ томъ или другомъ направленіи дѣятельность аффективной сферы и извѣстна теорія, приписывающая наличности аффекта существенную роль въ патогенезѣ паранойи. Обзоръ же и разборъ главныхъ фактовъ чувства у нашего больного даетъ слѣдующее: во-первыхъ въ теченіи всего времени наблюденія больной не представлялъ никакихъ явленій раздражительности, легкой озлобляемости или вообще эмоціональной неустойчивости, думать о скрытности не приходится въ виду усиленнаго наблюденія, общительности, полной правдивости больного и его вышеупомянутаго взгляда на врача *). Въ силу этихъ же качествъ и въ виду его очень хорошей памяти мы на основаніи его автобіографіи и его устныхъ сообщеній о прошлой жизни можемъ заключить, что если рѣзкое аффективное проявленіе при отказѣ вѣнчать его **) и не было единственнымъ, то все же вспышки такого рода были крайне рѣдкими и могли происходить только при исключительныхъ обстоятельствахъ, въ общемъ же какъ правило, какъ болѣе характеризующую черту нужно признать у больного спокойный сдержанный характеръ безъ признаковъ повышенной раздражительности или неустойчивости аффективной сферы. Во-вторыхъ, хотя трудно при

*) См. стр. 51.

**) См. стр. 13.

генезисъ какого-нибудь психическаго факта исключить совершенно участіе чувства, но разбирая бредовыя идеи больного, мы должны признать, что въ ихъ происхожденіи аффектъ не игралъ роли одного изъ главныхъ производящихъ факторовъ: въ генезисъ его системы взглядовъ могли играть роль проявлявшаяся еще въ юнѣствѣ наклонность къ резонированію, ученіе гр. Л. Толстого съ его вліяніемъ, побуждающимъ разрабатывать моральные вопросы, подъемъ общественной мысли и исканій предъ и во время „періода свободъ“; очень вѣроятно, что сильно развитой половой инстинктъ заставлялъ его обращать по преимуществу вниманіе на извѣстныя явленія жизни и выразился въ своеобразности его системы взглядовъ, но изъ разсказовъ о его романическихъ, половыхъ и другихъ приключеніяхъ никакъ нельзя вывести, чтобы какое-нибудь изъ нихъ было причиною аффекта, повлекшаго за собой разработку его взглядовъ въ извѣстномъ направленіи. Упомянутая вспышка при отказѣ вѣнчать была мимолетной и не оставила длительного слѣда, судя по всѣмъ разговорамъ и объясненіямъ больного, по его вполне объективному отношенію къ этому событію. Относительно недовольства жизнью необходимо отмѣтить, что, конечно, больной не могъ быть вполне доволенъ ею, но ни въ его біографіи, ни въ его разсказахъ эта неудовлетворенность не подчеркивается и не видно, чтобы она легла въ основу какого-нибудь длительного аффекта, больной не жалуется на свою прошлую жизнь, не высказываетъ раздраженія противъ родныхъ и знакомыхъ, даже къ священникамъ, съ которыми у него были длительныя непріятности, онъ относился безъ раздраженія и въ разговорахъ объ этомъ предметѣ онъ довольно часто дѣлалъ, говоря о священникахъ вставку: „конечно, онъ какъ все современное духовенство....“, онъ никого не обвиняетъ въ преслѣдованіи и въ интригахъ противъ него, отмѣчаетъ, что по службѣ онъ былъ на хорошемъ счету, нужды не терпѣлъ, потому что ихъ семья имѣла

свои средства; у него былъ среди мѣстной интеллигенціи кругъ знакомыхъ, гдѣ онъ былъ принятъ хорошо и если потомъ уклонялся отъ посѣщеній знакомыхъ, то не вслѣдствіе ссоръ и непріятностей, а вслѣдствіе желанія провести свою жизнь въ извѣстномъ направленіи напр., уклоняясь отъ выпивокъ; мы не видимъ также, чтобы онъ дѣлалъ попытки перемѣнить свое социальное положеніе. Затѣмъ въ теченіе болѣе чѣмъ двухлѣтняго пребыванія въ больницѣ его система идей развивалась дальше, все болѣе и болѣе росъ и укрѣплялся главный бредовой пунктъ—увѣренность въ непогрѣшимости и спасительности этой системы, но за все это время не было замѣтно ничего, чтобы давало поводъ думать о замѣтномъ участіи въ этомъ какого-либо аффекта. Несомнѣнно, что эта увѣренность въ справедливости, благотѣльности и цѣнности системы взглядовъ содержитъ въ себѣ элементы чувства, но эти элементы имѣютъ основою интеллектуальное чувство и вырастали по мѣрѣ охватыванія извѣстнымъ кругомъ идей, по мѣрѣ все болѣе и болѣе исключительнаго занятія этими идеями: здѣсь въ патологическомъ мозгу происходило нѣчто вполне аналогичное тому, что мы встрѣчаемъ и у нормальныхъ людей, изслѣдовавшихъ долгое время извѣстный процессъ и пришедшихъ къ извѣстнымъ выводамъ. Такимъ образомъ приходится заключить, что въ образованіи и развитіи системы взглядовъ больного, въ ростѣ увѣренности въ непогрѣшимости, благотѣльности и цѣнности его взглядовъ никакой аффектъ не игралъ роли одного изъ главныхъ производящихъ факторовъ. Переходя ко второй бредовой идеѣ, что упомянутый воспитанникъ духовнаго училища и —ій его сыновья мы тоже видимъ, что никакому аффекту нельзя приписать существенной роли въ генезисѣ этой идеи. Основаніемъ для этой идеи были во-первыхъ сильное стремленіе провести въ жизнь свою систему взглядовъ не только пропагандой, но собственнымъ примѣромъ; во-вторыхъ сознаніе, что, у него могутъ быть

внѣбрачные дѣти, въ третьихъ извѣстное соотвѣтствіе между возрастами обоихъ „сыновей“ и датамъ его половыхъ сношеній. Въ случаѣ воспитаника духовнаго училища онъ зналъ, что въ извѣстное время имѣлъ сношеніе именно съ его матерью; въ случаѣ —аго онъ не зналъ предполагаемую мать даже въ лицо, но зато тутъ получились основанія еще съ другой стороны: ему въ больницѣ сказали, что тутъ собраны всѣ его внѣбрачные дѣти, а у него, какъ это мы обычно видимъ у нараноиковъ, была наклонность утверждать относительно случайныхъ жизненныхъ совпаденій, что „это не просто“, „не даромъ“. Кромѣ того онъ былъ убѣжденъ, что внѣбрачные дѣти по превратностямъ ихъ судьбы имѣютъ много шансовъ попасть въ домъ для умалишенныхъ, а въ мѣстную психіатрическую больницу собраны по преимуществу мѣстные уроженцы, значитъ и мѣстные внѣбрачные дѣти. Изъ разговоровъ съ нимъ выяснилось, что онъ не повѣрилъ сообщенію во всемъ его объемѣ, не думалъ, что согласно сообщенію въ этой больницѣ были всѣ его дѣти, но это въ данномъ случаѣ неважно. Дальнѣйшимъ подкрѣпленіемъ въ случаѣ —аго было то, что онъ нашелъ нѣкоторыя черты сходства между нимъ и собой.

Въ случаѣ —аго мы, правда, видимъ и въ заявленіяхъ и во всякомъ случаѣ не имѣемъ основанія отрицать вліянія этой привязанности на укрѣпленіи бредовыхъ идей, но эта привязанность появилась постепенно, послѣ того какъ онъ уже сталъ думать, что —ій его сынъ и сблизился съ нимъ. Въ случаѣ воспитаника духовнаго училища у него не явилось и потомъ никакихъ привязанностей, а тѣмъ не менѣе онъ считалъ его своимъ сыномъ. Нѣсколько болѣе запутаннымъ представляется вопросъ о бредовой идеѣ преслѣдованія со стороны евреевъ въ виду того, что убійство его тетки по наущенію, какъ шла молва, еврея, могли въ той или другой степени возбудить аффектъ подозрительности и недовѣрія въ евреямъ.

Но изъ исторіи болѣзни мы можемъ отмѣтить слѣдующіе факты: онъ защитникъ равноправія евреевъ и считаетъ ихъ угнетенной народностью, онъ нигдѣ не проявляетъ къ нимъ вражды: идея преслѣдованія у него есть своеобразный логическій выводъ изъ убѣжденія, что евреямъ нужно равноправіе, что проведенная въ жизнь его система взглядовъ дастъ евреямъ равноправіе и что евреи ловкій настойчивый народъ, привыкшій пользоваться всякимъ случаемъ не съ цѣлью повредить принципиально, а съ цѣлью добиться желаемого; затѣмъ въ исторіи болѣзни отмѣчено своеобразное отношеніе больного въ этой идеѣ преслѣдованія: онъ подмѣчаетъ факты, говорящіе, по его мнѣнію, за эту идею, но они въ немъ не вызываютъ эмоціональной реакціи, онъ не жалуется на преслѣдованія и видитъ въ своеобразно истолкованныхъ фактахъ скорѣе лишній внѣшній стимулъ къ той дѣятельности, которой онъ преданъ всей душой и которая, по его мнѣнію, должна увѣнчаться успѣхомъ, а этотъ успѣхъ уничтожить всякую почву для угрозъ. Такое отношеніе особенно бросалось въ глаза при сопоставленіи съ обычнымъ поведеніемъ классическихъ параноиковъ при наличности аффектовъ подозрительности и недовѣрія. Такимъ образомъ факты показываютъ, что въ генезисѣ и этой идеи мы должны видѣть скорѣе интеллектуальную почву и иногда не видимъ указаній, чтобы однимъ изъ основныхъ факторовъ тутъ былъ аффектъ.

Теперь перейдемъ ко второй характерной для случая и рѣзко обращающей на себя вниманіе чертѣ. Обычно мы у параноиковъ видимъ эгоизмъ, они или эгоистичны, или же, если эгоистическія черты не выступаютъ ясно, очень склонны выставять свое „я“ на первый планъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, повидимому, заботятся лишь о томъ, чтобы, напр., спасти или облагодѣтельствовать человѣчество. У нашего больного за все время наблюденія не отмѣчается ни одного факта, который можно бы считать за проявленіе эгоизма въ томъ или

другомъ видѣ. Какъ отмѣчено выше въ его разговорахъ и въ его отношеніяхъ къ окружающимъ не только не видно эгоистическихъ стремленій, но не видно и желанія выдвинуть въ чемъ-нибудь свое „я“. Будучи увѣренъ въ благотѣльныхъ послѣдствіяхъ для человѣчества, если его система взглядовъ будетъ проведена въ жизнь, онъ не подчеркиваетъ свое авторство и новаторство; онъ только при разспросахъ говоритъ, что эту систему выработалъ самостоятельно, но тутъ же оговаривается, что она развилась подъ вліяніемъ ученія гр. Л. Толстого и не является въ своей основной идеѣ чѣмъ то новымъ. Даже относительно деталей, которыя безусловно новы и относительно которыхъ нельзя сказать, чтобы они вытекали изъ идей Толстого, онъ никогда не говорилъ „я прибавилъ“, „я дополнилъ“ и т. д. Проводя по мѣрѣ возможности въ жизнь свою систему взглядовъ, онъ не думаетъ, что совершаетъ подвигъ, дѣлаетъ что-нибудь особенное, онъ, по его мнѣнію, только исполняетъ свой долгъ, такъ какъ каждый человѣкъ долженъ распространять тѣ взгляды, которые онъ считаетъ лучшими и долженъ самъ жить сообразно этимъ взглядамъ. Изъ анамнеза и исторіи болѣзни видно также, какъ настойчиво и упорно онъ исполняетъ этотъ долгъ и многочисленныя непріятности, полученныя имъ при этомъ, не отклонили его отъ избраннаго пути, не заставили его свернуть на путь личной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ не внушили переоцѣнки своей упорно борющейся личности. Все это сближаетъ нашъ случай съ чистыми типами сектантства, съ фанатиками чистой идеи съ той, конечно, оговоркой, что для такихъ фанатиковъ и сектантовъ не доказана обязательность того выраженного параноическаго слада (Anlage), который мы видимъ у больного.